

ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ 7

18+

**КРОВЬ, ЖЕСТОКОСТЬ, СЕКС И
БЕЗУМИЕ МИРА В ЦЕЛОМ!**

Низший

Дем Михайлов

Низший 7

«Автор»

2020

Михайлов Д.

Низший 7 / Д. Михайлов — «Автор», 2020 — (Низший)

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом... Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь - превратиться в откормленную свинью..

© Михайлов Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дем Михайлов

Низший-7

Пролог

- Папа, папа, а куда ты меня ведешь?
- Папа? Нет, мальчик, я тебе больше не папа. Я зомби. А ты мой рацион.
- Рацион? Папа, а рацион это хорошо? Или плохо?
- Конечно хорошо, мальчик. Ведь у рациона есть четкая и определенная судьба. Ты точно достигнешь своей жизненной цели, а это всегда хорошо.
- Я очень рад! А когда? Когда я достигну этой цели?
- Видишь впереди руины?
- Да!
- Все случится там...
- Тогда давай ускорим шаг, папа!
- Что ты видишь, пацан?
- Труп. Его жрут крабы.
- А там у него в животе? Торчит в дыре над пупком.
- Клешня вроде бы. Краб застрял в рваном пузе и его придавило. Смешно. Быть раздавленным едой... нам вот вечно жратвы не хватает...
- Так получается труп сожрал живого?
- А разве бывает так, чтобы мертвые ели живых?
- Как видишь.
- Но ведь это как-то неправильно...
- Расскажи это сытому трупу, пацан. Видишь, как он тебе улыбается...
- Это у него губы отъели... и язык...
- И все же он сыт и улыбается. Так кто победил? Мертвый или живой? Что думаешь?
- Думаю, что у него в кармане что-то блестит и надо это достать.
- Вот поэтому ты далеко пойдешь, пацан. Видишь главное и не ведешься на тупые улыбки сытых голодным. Хорошо. Я подтягиваю багром и держу, а ты проверяешь карманы.
- И на этот раз делим пополам, а не по справедливости и старшинству.
- Ты точно далеко пойдешь. Договорились. Шестьдесят на сорок и один бесплатный мудрый совет.
- Хорошо... Какой совет?
- Никогда не ведись на бесплатные советы, пацан. Это всегда обходится очень недешево! Держу. Давай быстрее, пока этот мясной кисель не размочалило о камни...

* * *

Я сшиб его с ног во время пробежки по Седьмому Небесному Парку.

Нетрудно выбрать удобный момент, если ты знаешь не слишком сложный и железно подерживаемый распорядок дня жертвы.

Мистер Эд Ирвинг, он же Эдвард Томас Ирвинг, умный и хитрый журналист на вольных хлебах, прячущийся за анонимной верифицированной цифровой подписью, что стояла под каждой его статьей размещенной на самом посещаемом в мире новостном портале «Путь к бездне». Портал отличался тем, что печатал только проверенную информацию, а если ошибался – тут же печатал опровержения, приносил извинения и вообще всячески старался быть

солиднейшим сетевым изданием, что ежемесячно приносило многомиллионный доход своему создателю Питеру Фальку, разменявшему одиннадцатый десяток и не собирающемуся пока сбавлять обороты жизни. Мистер Фальк всегда прикрывал своих журналистов, свято оберегая их анонимность и не забывая щедро платить. Поэтому всего двадцатисемилетний, но уже широко известный журналист Эд Ирвинг процветал, скрывая настоящее имя подписью некоей Кислотной Акулы 17 и аватаром с акульей башкой в очках с красными линзами, скалящейся зелеными зубами.

– Господи! – сказала Кислотная Акула 17, завершив свои кувырканья по мягонькому травянистому откосу и распластавшись на изумрудной лужайке – Вы в порядке?

Спросила мышка кота...

Придурок думает, что мы столкнулись случайно. Надо же какой вежливый... помянул не сучью мать, а Господа, не назвал гребаным ушлепком, а поинтересовался в порядке ли я. Вот что значит правильное воспитание в детстве! Прямо право неудобно делать то, что я собираюсь сделать...

Удар моей ноги превратил его выдающийся костистый нос в нечто с куда меньшими объемами, заодно разодрав левую щеку, разбив бровь, выбив пару идеальных зубов и пустив кровавый сироп из губ и ноздрей.

– Укх!

Скрючившись, парень прикрыв лицо локтями и затрясся в кратком болевом послевкусии. Удар ногой в лицо схож с ромовым коктейлем лысого бармена Пабло из одного из моих любимых заведений. Сделал глоток – и чувствуешь, как с потрескиванием шары вылазят из глазниц, а яйца сами собой пытаются отползти от места будущего взрыва. Бум... и вместе со слезами приходит горячая благодарность к этому гребаному миру... еще через минутку ты уже готов к следующему глотку. Это затягивает...

Вот и Акуле вроде как понравилось – медленно убрал красные от крови и липкие от соплей ладони, глянул на меня щелками глаз в ожидании ослепляющего сладкого продолжения.

Удар...

– М-м-м-м-м! М-М-М-М-М!

Присев, я достал из куртки крохотный иньектор и, выждав еще десяток секунд, вколол обезболивающее и успокоительное. Надо поторопиться – место тут на отшибе, но помешанных на здоровом образе жизни бегунов хватает.

Семь Лепестков Здоровья.

Так назывались в целом семь расположенных на вершинах жилых башен парков, соединенных подвесными аллеями. Парки густо посаженные живой и лишь кажущейся таковой растительностью, что старательно чистила воздух и производила кислород. Доступ в парки, само собой, платный. Но Акула мог себе это позволить. Как и шикарные апартаменты над линией облаков, что автоматически даровала дорогую возможность каждый день любоваться настоящим солнцем, что так редко пробивалось вниз – к подыхающей земле. А еще на залитом солнечным светом подоконнике вполне можно было прорастить косточку сраного авокадо и ходить надутым от гордости...

– Боже...

– Эд, Эд – вздохнул я – Кислотная Акула семнадцать... сегодня тебе очень повезло, засрапец. Даже после того, что ты натворил, я не отрежу тебе яйца и не заставлю тебя их себе приготовить на медленном огне, а потом сожрать. И поверь мне – я так уже делал дважды.

– Господи... я вас не понимаю... да я вас даже не знаю!

– Зато я знаю тебя. Ты журналист.

– Вы оши... – начал было парень, но увидев мой взгляд, осекся.

– Ты написал вчера одну лживую статейку. Первую такую. Ведь ты всегда так гордился своей репутацией, да, Акула? Но на этот раз тебе предложили за заказную статью такую сумму, что ты попросту не смог удержаться, да?

– Я... о Господи... о Всемогуший... это... мне сказали что это правда... мой источник...

– У тебя нет источника – покачал я головой – И быть не может. Ведь ты все придумал сам. И в длинной продуманной статье ты, мелкий гаденыш, хорошенько прошелся по корпорации Атолл Жизни. Вчера вышло несколько таких статей. Твоя – одна из них. Совокупный результат – просевшие чуток дела корпорации Атолл, десяток мелких, но важных сделок, что оказались сорваны, равно как и переговоры с парочкой важных типов. Неужели ты думал, что после такого за тобой никто не придет и не вырежет тебе сердце через жопу?

– Господи...

– Знаешь почему ты все еще жив? Знаешь откуда я знаю твое настоящее имя? Нет? О... тут смешно... тебя, гребанного трескучего мерзкого таракана даже не пришлось искать. О тебе нас оповестил сам мистер Фальк – Питер Фальк, твой босс, твой покровитель. И должен сказать, что он был разъярен, когда сегодняшним утром увидел подобную статью... Он очень долго извинялся перед правлением Атолла Жизни и заодно сдал тебя со всеми потрохами.

– Этого не может быть!

– Может. Ведь ты кое-чего не знал, гаденыш – Питер Фальк заключил договор о скором переселении на специальные территории Атолла. Он пожертвовал неприлично огромную сумму помимо этого. Благодаря твоему боссу корпорации удалось выкупить и переселить к себе кое-каких вымирающих зверей. И тут твоя статья...

– Господи...

– Он сказал назвать тебе особую фразу, что знаешь только ты и он – у него такие с каждым из своих доверенных журналистов. Фраза простая: «честность, дотошность и краткий слог не оставят без денег».

– Господи...

– Твой Господь Фальк очень сердит на тебя – кивнул я – Но он же попросил тебя не убивать. Попросил дать тебе сученышу один единственный шанс на жизнь, который ты зажмешь своими накачанными бегом булками, затем извернешься, стиснешь еще зубами и не упустишь ни за что...

– Не убивайте. Не убивайте меня...

– Шанс на жизнь надо заслужить. Первое что ты сделаешь – назовешь заказчиков. И я уверен, что ты их знаешь. Такой как ты не стал бы работать через десяток подставных лиц непонятно с кем. Понятно, что заказ тебе передал кто-то из исполнителей, но что-то ты знать должен. И второе – ты напишешь статью опровержение сразу после того как, заливаясь слезами благодарности, закончишь насасывать боссу. Ты понял меня?

– Да.

– Заказчик?

– Я не уверен. Честно не уверен! Но насколько я понял по намекам и деталям, заказ пришел от корпорации Спасенный Мир.

– Имя твоего контакта? Внешность?

– Черный, огромный, все время улыбается. Меня он не видел, а я его – да. Такое было условие. Он представился как Тедди Фрут. Фамилия точно вымышленная, а вот имя настоящее – я его сумел пробить. Тедди Торч, делает за деньги все что скажут, под его началом десяток крепких не брезгливых бойцов. Базируются в Нью-Сингапуре. В последнее время они сопровождают грузы Спасенного Мира по своим территориям и вообще работают считай только с ними...

– Спасенный Мир? – я не скрывал удивления – Сурверы поднялись против Атолла? У нас ведь вроде как нерушимая дружба и сладкие переговоры в разгаре... ты ничего не перепутал, засранец? Если ты солгал...

– Нет! Клянусь! Боже! Клянусь!

– Ладно... – кивнул я, поднимаясь – Помни, придурок – ты теперь раб мистера Фалька, так что соси так же усердно как у папки когда-то.

– Я никогда не...

– А чтобы я однажды не вспомнил про тебя, сделай кое-что лично для меня – напиши скажем три большие и честные статьи позитивно описывающие деятельность Атолла на всех фронтах. Спасение вымирающих видов, работы по коррекции характера и памяти закоренелых преступников, трудовое исправление оступившихся, бесплатная раздача еды голодающим, постройка защищенных территорий... сделаешь это?

– Да! Да! Пять! Я напишу пять статей! Полный позитив!

– Не – покачал я головой – Никто не поверит, когда только хвалишь. Давай так – девяносто процентов позитива, пять процентов нейтральности и пять процентов негатива. И вставь много фото сиястых улыбашек что уже переселились в новые дома и прыгают вокруг бассейнов.

– Я все сделаю.

– Удачи – кивнул я и начал подниматься к дорожке.

– Этот Тедди и его парни... в сумрачной сети столько фото с кровью и кишками... они отморозки! Не связывайтесь с ними, мистер!

Помахав рукой, я вышел на дорожку и побежал над бездной к Небесному Шестому, где был припаркован мой флаер, прикидывая, хватит ли запасов топлива для перелета к Нью-Сингапуру...

Глава первая

– Привет! – широкая улыбка нависшего надо мной незнакомца была настолько яркой, что сразу захотелось разбить слепящую меня белизну на мелкие осколки – Сразу говорю – расслабься. Мне от тебя ничего не надо.

Шевельнув головой, я чуть приподнял подбородок, сонно взглянул на мешающего моему восстановлению ушлепка и сказал:

– Если кто-то незнакомый говорит мне «Привет» и улыбается при этом – я настораживаюсь и у меня пропадает аппетит. Если же потом незнакомец все с той же улыбкой добавляет – «Мне от тебя ничего не надо», я понимаю, что он лжец и начинаю искать на его теле метку для моего ножа.

– Э? – улыбка поблекла – Метку для твоего ножа?

– Ну да. Ты же ведь нарисовал заранее черточку на том месте, куда войдет мой нож? А, хреносос? Ты ведь черкнул фломастером где-нибудь напротив сердца?

– Постой! Я хотел сказать – я испытал глубокое влияние от тебя!

– Как-как? Ты испытал от меня глубокое влияние? – переспросил я, внимательно изучая фигуру странного типа – Это я во сне тебя трахнул что ли? И как?

– Э?

– Убрать придурка, командир? – от собравшихся у газового костерка донесся оживленный алкоголем голос перебинтованного до бровей орка.

Я успокаивающе качнул головой, подтащил к себе бутылку со сложной смесью изотоников, компота, открутил крышку и булькнул в горлышко крошенную синюю таблетку «ВОССТ-15», полученную в подарок от какой-то старушки, что тоже «испытала глубокое влияние» от наших дел, но высказалась просто и емко: «Яйца есть!».

– Я иногда путаюсь в словах – на губы незнакомца вернулась улыбка – Но при этом я опасен.

– Че ты сказал?

– Я опасен.

– Ты опасен – повторил я и сделал огромный глоток, поверх запрокинутой бутылки разглядывая «опасного» типа.

Ему лет тридцать с небольшим. Средний рост, худощав, но широкоплеч, стоит свободно, но не неподвижно – скрытое просторной удобной одеждой тело все время куда-то двигается, но при этом остается на месте. Мелкие подергивания мышц, что рвутся с места, требуют движения. Подобное поведение тела я видел много раз. У находящихся на пике формы спортсменов. У рукопашников достигших своей вершины. И что с того?

Плечи перехватывают ремни рюкзака, под левой рукой болтается игстрел с чуть более массивным корпусом чем у моего. Вместо тяжелых ботинок на ногах легкие кожаные мокасины с богатой вышивкой и морем разноцветных бусинок. Чуть тронутая смуглотой кожа, несколько мелких старых шрамов на скулах и чисто выбритом подбородке, столь же чисто выбрита и голова.

Общее впечатление – чистоплотен, физически развит, умеет не только драться, но и стрелять. Одиночка.

Выражение глаз... тут все сложно. Вроде бы и спокойно он смотрит, но при этом столько всего кроется за этой улыбчивой спокойностью... Определив пару главных чувств, что пульсировали за его ментальной броней, я понимающе кивнул и, в несколько глотков допив содержимое бутылки, бросил опустевшую тару к его зачетным мокасинам и снова прикрыл глаза.

– Уважаемый – послышался его все еще терпеливый голос – Я ведь разговариваю вежливо. Зачем так относиться к тому, кто проявил уважение?

– Во-первых ты меня не уважаешь – покачал я головой и поморщился от стрельнувшей в шее боли – Тебя привели сюда слухи о скваде новичков порвавших Зомбилэнд в свой первый же заход и сразу ставших героями. Особенно сильную жопную боль у тебя почему-то вызываю именно я, а не другие бойцы. Во-вторых, тебя буквально гнобят зависть и ревность, стучат тупыми клювами прямо в твой показушно выбритый череп. Ты завидуешь. И ты точно что-то хочешь от меня, раз стоишь здесь и не боишься, что я не выдержу и прострелю тебе яйца. А раз ты от меня что-то хочешь – значит, ты лжец. Ведь что ты сказал до этого, хреносос в мокасилах?

– Как грозно и хрипло ты говоришь... прямо крутой...

– Ага – безмятежно улыбнулся я – Крутой. Давай так, урод с чересчур большой задницей – прямо как у бабы – если хочешь со мной о чем-то поговорить – плати. С тебя бутылка самогона, две таблетки «ВОССТ-15», банка сраных персиков, две бутылки воды.

– Ты охренел? – в голосе безымянного опасного незнакомца впервые зазвучали эмоции. Злость, раздражение, удивление.

Он характерно дернул правой ногой, чуть повел тазом. Я с интересом наблюдал за его демонстрацией того, как он собирается пнуть меня в лицо красивым мокасином. Наблюдал и молчал. А он продолжал без нужды разминать ножные мышцы, причем делал это с таким видом, будто одним пинком собирался раскрошить не только мою гоблинскую наглую харю, но и всю бетонную стену. Кривляния длились секунд пять. И прервались неожиданно – он внезапно налился смущенным багрянцем, резко хлестнул себя по щеке и... извинился:

– Прошу прощения за тупую показуху, герой Оди. Это иногда... рвется из меня... все вот это вроде того, как я типа без слова говорю, что «ща как вдарю и мозги лужей по стене» и...

– Заткнись! – рыкнул я, почувствовав усиление головной боли – И с тебя еще обезболивающее для моей головы.

– Это ведь не...

– Повторять свое щедрое предложение не стану – прервал я его – Тащи сюда сказанное – и я тебя выслушаю. Если поторопишься – вполне впишешься в мой рабочий график. Сразу предупрежу – у Сэма Жабы лучшим героем лучше ничего не покупать.

– Э... а?

– У Сэма Жабы настоящим героям закупаться позорно и непростительно. Беги, жопастый.

– Ты... ты...

Прикрыв глаза, я задремал, уже не слушая его не подкрепленные данью слова.

– Ладно! – это выплюнутое слово полыхнуло уже не просто эмоциями, а этаким грозным обещанием многого... – Сейчас принесу!

Занятный все же хреносос, что может и сможет разогнать мою больничную скуку. А я, валясь в пыли за задней стеной первого барака, укрытый старым рваным одеялом, считал себя именно в больнице на следующий десяток часов как минимум. Системные медицинские процедуры и средства весьма практичны и живо ставят рабочую и боевую силу на лапы. Но даже крепкая химия не может до бесконечности ускорить регенерационные возможности организма. Так что я взял коротенькую паузу. И при этом был уверен, что просто так мне отлежаться не дадут и раз так – надо больше жрать, меньше двигаться, внимательно слушать, жрать персики и... как-то скрывать упорную эрекцию, что рвала мои штаны уже второй час. Не знаю что мне там вколола в поясницу система – вытяжку из пушистых яиц гориллы? – но половина мыслей была только о том, что неплохо бы потрахаться...

Короче – гоблин на коротком больничном. Сквад – тоже. Сумерки в небе, сумерки в делах, сумерки на стальных тропах и дорожках...

Дерьмо. Снова всякая чушь лезет в голову в то время, как пальцы воровато лезут в карман с изрядно похудевшим пакетиком таблеток. Сегодня никакой наркоты. Не помню, что мне

снилось – или виделось в болезненной дреме – но знаю, что приходов было несколько. В голове крутятся рваные картинки, этикие звуковые и визуальные обрывки, эхом звучат чьи-то голоса, кто-то хрипит, кто-то смеется. И мне упорно чудится, что в этот раз память сумела уловить и удержать гораздо больше из этих зыбких воспоминаний. Неплохо... неплохо... но надо дать мозгу крохотную передышку.

А дерьмо... знакомая потусторонняя сладость на языке не оставляет второго толкования – очередной флешбэк на подходе. Передышки не будет.

Какого черта сегодня со мной творится?

– Постойте! Умоляю! Возьмите и его! – в руках мокрой от тропического ядовитого ливня женщины вяло трепыхался сверток из черного мусорного пакета. В щели виднелось вялое и отекавшее личико одно-двухлетнего малыша. Трудно узнать настоящий возраст – обитатели здешнего умирающего мирка вынуждены питаться всем, что выбросит на пропитанный мазутом берег отравленный океан.

Стальная дверь грузопассажирского бронированного флаера с незаконно смененными на вдвое мощные движками начала закрываться. Дверь с изображением кораллового атолла – первоисточника всей корпорации Атолл Жизни. Корпорации, на которую я внезапно начал работать, причем совершенно бесплатно и лишь по одной поразительной причине – я поверил их словам.

Ребенок глухо и хрипло пискнул, снизу потекло что-то, что судя по бурому, почти черному цвету, никак не могло быть мочой двухлетнего малыша. И что у него с глазами? Они будто побелевшие... Шуршащий сверток дернулся еще раз – и на этот раз куда сильнее, резче, с удивительной для крохотного существа силой.

Эпилепсия? Плюс обезвоживание – льющий с небес дождь не станет пить даже самоубийца. Как и стоять под ним без надежной защиты. Эта вода – яд.

Подавшись вперед, женщина схватилась за створку, сунула почти лысую голову в проем и засекшая посторонний объект автоматика остановила дверь.

– Отвали, абориген! – от удара ботинка Элвиса умирающую дуру отшвырнуло назад, она упала в пузырящуюся лужу и замерла с раскинутыми руками и ногами.

Я опустил взгляд ниже. У моего ботинка лежал пакетный сверток с хрипящим малышом.

– Сука! – рывкнул Элвис, белолицый прыщавый тридцатилетка выглядящий на пятнадцать, вчера убивший отплясывавшую на его члене шлюху, что поехала от передоза эксадрала и попыталась перегрызть ему глотку, а когда ее сшибли ниже, переключилась на член.

Я видел это дерьмо – когда получил доступ к системам наблюдения в его любимом мобильном логове модели «Олдгрэйтарморедемобайлклассик» с всему миру известным девизом «Где угодно – от чего угодно!». Я видел, как подскочившая сука, пуская красную пену и страшно воя, рванулась к глотке партнера. Он среагировал молниеносно. А следом со столь же достойной уважения и понимания быстротой защитил и стоящий дыбом член от шипящей пасти.

И вот теперь он, поклявшийся мне и своему исповеднику, что следующие тридцать дней он будет только дрочить не чаще раза в день, но никакого настоящего секса, дабы выказать свою глубокую благодарность всему существу, страдал, поняв, что возможно поторопился со столь громким обещанием. Он так нудно ныл всю дорогу, что я снял с него клятву, но предупредил, что, если он еще раз упомянет мне про свой член, я подарю ему возможность спрятать свое достояние в задний карман штанов. Элвис понял и проникся. И даже повеселел.

Но веселость пропала, когда он понял, что пусть его и провели, пусть сраная нищесбродка, эта траханая всем племенем гребаная обреченная аборигенка намеренно разжала пальцы, бросающая своего гаденыша на пол флаера, сути это изменит – ему как пнувшему придется сейчас нагнуться, поднять сверток с ребенком и вышвырнуть его на впалое пузо матери.

Давай, Элвис...

Дверь дернулась и снова замерла, наткнувшись на мой ботинок.

Давай, Элвис...

– Дерьмо! Он же там сдохнет! И я как истинно верующий... Эй! Кастар! Ты ведь атеист?

– Я христианин особого библейского толка, верящий в Паула Христеннса, пророка нашего, что живет ныне на зеленых высотах Гренландии и...

– Заткнись! Просто вышвырни его наружу и с меня бутылка выдержанного Джека – про-рычал Мут.

– Нет.

– Кто-нибудь! Парни!

Ответа он получил. Только ухмылки – сожалеющие и насмешливые одновременно.

Бесполезно. Никто из десятка моего личного сквада – ну разве кроме меня – не рискнет вышвырнуть на смерть младенца. Потому что все как один верят в гребаные приметы, трахнутые амулеты, облизанные талисманы и силу пахучих локонов с лона любимой шлюхи. Ну и в Бога. Такие слабаки не вышвырнут младенца под ядовитый дождь. А меня Элвис о таком спросить не рискнет.

Давай, Элвис.

– Вот же дерьмо-дерьмище... – Элвис склонился над малышом и проникновенно попросил – Ползи к маме или сдохни. Прошу тебя.

Дернувшись, младенец пустил под себя еще вонючей жижи, странно дернул ртом, подернутые белой дымкой глаза пристально глянули на шею Элвиса. Я сморгнул... на стальном полу лежал обычный умирающий ребенок. А время тикало...

– Элвис. Прими решение – мои слова прозвучали тяжелым приговором.

– Вот сука...

Помедлив, Элвис вдруг расцвел широченной улыбкой, что присуща человеку нашедшего выход из казалось бы безнадежной ситуации:

– Пусть с нами! Я отдам его социалам.

– Неженка – сдавленно хрюкнул кто-то из темноты салона – Усю-сю...

– Заткнись! Заткнись, Мут! Ни слова больше!

– А то что будет? Перенапряжешься и дашь молоко из сисек?

– Я не ты! Матку не вырезал и член не пришивал! Я в своей стае!

– А я раз на пилоне танцевал и сиськами потными шлепал по денежным харям – не в своей стае? Так что ли? – над приваренной скамьей бесшумно приподнялась перекачанная фигура Сорга, что был рожден девочкой, но прошел тернистый путь от дорогостоящей стриптизерши до брутального мужика с метровым мясным буюм между ляжек и характером подрастающего племенного быка.

– Взлет – ровно произнес я и Сорг поспешно плюхнулся обратно на лавку.

Стальная дверь с лязгом закрылась, отрезая от нас переставшую шевелиться аборигенку. Через день, максимум полтора, этот островок целиком скроется в подступающем океане. Умирающая сука на самом деле спасла своего ребенка от верной смерти, взамен даровав ему весь безумный ад бесплатных социальных приютов. Самое страшное в его жизни вот-вот начнется.

– Я не баба! – не выдержал Элвис, прижимая к бронированной груди мокрый вонючий сверток – Я верю в приметы. Брось ребенка – и не миновать тебе пули в башку. Примета верная... все ее знают! Командир! Скажи же!

– Сегодня ты меня удивил, Элвис – лениво ответил я, глядя в засветившийся экран показывающий быстро удаляющийся островок с редкими засохшими пальмами и черными от ядовитой грязи берегами.

– Ага... а как удивил? Типа приятно, как прикосновения ужаленной черными скорпионами шлюхи с Мадагаскара или же как... как...

– Ты меня удивил – повторил я, в последний раз скользнув взглядом по свертку и прикрыв глаза – Он чем-то болен.

– Брошу докторам пару монет за лечение. Не поскуплюсь – пообещал Элвис.

– Не отдавай его в приют – подал голос Сорг – Лучше подлечи, подкорми и продай в бордель как можно дороже. Продавай как экзотику с охеренной генной картой. Как... это кто вообще? Мальчик? Девочка?

– Вроде мальчик.

– Да ты глянь.

– Да похер мне. Не мой же. В бордель говоришь? Да еще и продать? Ты же сам оттуда едва свалил.

– Продай как можно дороже – повторил Сорг – И тогда с него пылинки сдувать будут.

– Ага. А потом?

– Твое сраное «потом» будет и в приюте. Вот только там все будет куда жестче и бесплатно!

– Да с чего ты...

– Лучше в церковь подбросить и всего делов – вмешался Мут, баюкая огромную пушку

– Командир. Те зверюги начали дергаться. Еще по уколу?

– Полдозы – ответил я – И вколи заодно витаминов. Мы должны доставить их живыми.

– Может и пацану? – робко предложил Элвис.

– Прижми к нему аптечку – посоветовал я – И заткнись уже.

– Да, командир.

В салоне флаера повисла тишина. Ненадолго. И нарушил ее тот же облажавшийся Элвис, озадаченно произнеся:

– Диагност аптечки не может опознать болезнь. Взял дополнительные анализы. Что за дерьмо? Разве в нем лучшая база данных?

– В наше время новые вирусы появляются постоянно – проворчал Мут – Хрен поспеешь за злой природой. Идешь мимо магазина – все живы, стоят в очереди, опираясь на горы туалетной бумаги в тележке и пялясь на жопу блондиночки впереди. Выходишь вечером из бара, неся на завтрак бутылку вискаря и пакетик перченого арахиса... а у магазина заблеванная парковка, трупы в мешках и донельзя мрачные парни в костюмах химзащиты. Дерьмовое время! Дерьмовый мир! Дерьмовое будущее...

– По прибытию – всем в увольнение на трое суток – велел я и, пожившись, широко зевнул. Лететь еще долго. Можно и поспать пару часиков...

– Дерьмо! – выдохнул я и сплюнул тягучую слюну – Да что за хрень...

– Командир? – рядом присел богомол в обрезанных шортах и подтяжках, клацнул пальцами ног – Нужно что?

– Не.

– Ок. Тогда я у...

– А если ты был рожден женщиной, а потом превратился в мужчину, стал добровольно низшим, потеряв все права и заодно память о прошлом...

– Нихрена себе...

– Система оставит тебя мужиком? Или вернет сиськи и отрежет лишние напластования в паху?

– Охренеть... да я понятия не имею. Хотя не всем бабам есть что возвращать и не всем мужикам что отрезать. А с чего вдруг? А с чего вдруг?

– Походу приснилось – пожал я плечами и зевнул – Веселитесь. Но через полтора часа чтобы полным составом лежали рядом со мной вдоль этой стеночки и мирно дрыхнули.

– Приказ?

– Приказ.

– Понял. Выполним.

– Я знаю – кивнул я и Хван утопал.

А я перевел взгляд на вернувшегося дерганного незнакомца. Увидел в его руках сверток. А за его спиной широко шагающего Сэма Жабу с таким мрачным хлебалом будто ему кто-то в овсяные хлопья насрал поутру.

Мне, никого и никогда не обидевшему провинциальному гоблину, дадут сегодня отдохнуть? Все болит. Все ноет. А перегруженные плечевые мышцы ощущают себя так, будто по ним катаются слепые мыши на зазубренных коньках, таща за собой хвосты из раскаленной колючей проволоки. И это под обезболивающими. Отвалите...

Но это я внутри себя вздыхал. А на приближающихся говноедов смотрел с радостным ожиданием чуда.

– Эй! Реднек! – разъяренно не то, чтобы провоцил, скорее в меру громко, но очень агрессивно заявил Сэм Жаба, резко ударяя себя ладонью по стальному покрашенному пузу – Охренел?!

– Кто?! – изумленно выпучился я и перевел взгляд на ушлепка в мокалинах – Эй, лысый в тапочках. Принес?

– Я бритый! Слушай, я ведь не давал повода так к себе относиться. Я всячески стараюсь сохранить спокойствие и не начать бить тебя ногами – смуглая рожа опять начала наливаться темной кровью, держащие пакет руки затряслись.

Секунда... и незнакомец взрезал себе ладонью по правой щеке. А следом по левой. И снова по правой. Хотевший продолжить свою речь Сэм Жаба застыл в удивлении, глядя на избивающего себя парня. С хрустом хитина и суставов рядом снова уселся Хван, защелкал жвалами, ожидая продолжения веселухи. За его спиной улеглась пьяная рыжая, что поглядела на происходящее, зевнула, отвернулась, закуталась в одеяло и пробормотав:

– Выбрала же командира – героями спим в пыли на задворках.

– Я видел, как ты болтала с Кассандрой – заметил я – Что с новыми умениями от системы?

– Ты про волшебство и магию?

– Не заставляй меня блевать ванилью и трахнутыми феями.

– Поговорила. Завтра с утра она поможет мне получить первое заклинание – к небу взметнулся плотно сжатый кулак, рыжая пьяно икнула – Ой дерьмо... и небо кружится во тьме...

– Я снова прошу прощения – заметил смуглый и, прекратив делать себе массаж щек, мягко опустил на землю принесенный пакет – В качестве извинения с меня еще бутылка самогона и банка фруктовых консервов. Так же прошу не считать меня психом, уважаемые. Я несдержан, хвастлив, болезненно горд, амбициозен и эгоцентричен. Память стерта, но благодаря химическим воспоминаниям, считаю, что я воспитывался без отца и чересчур любящая меня мать сделала все, чтобы выделить меня из массы других детей и...

– Гребаный мамсик, которому тупая мамашка нашептала что он самый-самый лучший в мире и прямо вот нахер всех красивей, сильнее и умнее – подвела Джоранн итог и зашлась ухающим смехом – И ты всем говоришь, что она испоганила сыну жизнь превратив его в лысого тупого ушлепка в бабьих тапках.

– Это мокасины! Так... Попрошу никого не вмешиваться в мой разговор с лидером-героем Оди.

– Лидер-герой Оди – хмыкнул я, подтягивая к себе пакет, доставая банку и берясь за нож – Хван хочешь на ужин бархатистые персики мамсика? Хм... прозвучало как-то не очень...

– Похер! Буду!

– Говори – кивнул я опасному незнакомцу.

– Эй! – ожил наконец Жаба, но говорил уже куда спокойней и поглядывал больше на смуглого мамсика, чем на меня – Что за дела, реднек?

– Кто?

– Задиристая деревенщина, вот кто! Не знаешь кто такие реднеки?!

– Никогда не слышал – покачал я головой и, отогнув крышку, насадил на нож половинку засиропленного персика и отправил в рот целиком. Банку пододвинул к начавшему трещать и пищать Хвану.

– Да и хрен с тобой. Что за дела?! Ты ломаешь мой бизнес!

– Я? – пораженно вылупился я на торговца.

– Что за гуляющие по городу фразы про то, что настоящим героям закупаться у Сэма Жабы позорно и непростительно. Что за наложенное тобой какое-то табу? Что за слухи про то, что я трахаюсь на своих товарах, катаюсь по ним голышом и трусь жопой о мешки с рисом и мукой?! Что за дерьмовые вонючие слухи?! Есть что сказать – скажи в лицо!

– Первый раз слышу – развел я руками.

– Ты мне тут не лепи! Я ведь могу и по-другому заговорить! – загнав в изувеченную шею побольше воздуха, Сэм с хрипом шагнул вперед, став действительно походить на жабу с надутыми щеками – Я могу многое в этом городе!

– Вперед – кивнул я поощрительно – Удиви меня, Жаба.

– Никто не называет меня Жабой.

– Жаба – призм поднял харю с мокрыми от сиропа жвалами.

– Жаба – буркнула сонно Джоранн.

– Жаба – отчетливо произнес выросший за спиной Сэма мечник Каппа.

– Эй как ты там Жаба?! – проорал от костра Рэк, обнимающий двух девиц за плечи.

– Как ты, Эйжоп! – добавил я, увидев подходящего к орку вчерашнего деловитого и не слишком обидчивого знакомого.

– Карл, сука, Карл! Уже молю тебя! Карл!

– Ты действительно похож на жабу – глянув на продавца, развел руками лысый в мокалинах и глянул на меня – Кстати, меня зовут Артур. И я герой.

– Ты дерьмо обвинившее маму за то что ты такое дерьмо с дерьмовым характером, дерьмовой лысиной и с любовью к красивым мокасинам с бусинками – улыбнулся я – Тебе не стоило рождаться.

– Хватит! Хватит! Или я за себя не... Хватит! – выкрикнув сие, лысый Артур развернулся и быстрым шагом рванул в сторону темной городской окраины. Из сумрака донеслось злое и обиженное – Я вернусь как успокоюсь! Сука!

– Стоять! – в моем голосе лязгнул злой металл.

Настолько злой, что замерли оба – и наметившийся куда-то лысо-бритый и хотевший что-то добавить Сэм Жаба. Обведя их взглядом, я заговорил:

– Вы оба похожи тем, что мните о себе чересчур много. Один считает себя стильным красивым и опасным. Второй мнит себя не последним гоблином в городе способным доставить любому немало неприятностей. Вы оба купаетесь в своих фантазиях. Вам даже теплой бабы под боком не надо, главное, чтобы кто-то подтверждал регулярно вашу важность. Но... лично мне обильно насрать на все ваши амбиции. Мне насрать на ваше темное героическое прошлое или светлое будущее. Мне от вас ничего не надо. Ключевой момент – мне от вас нахрен ничего не надо! А вот вам от меня явно что-то нужно. Жабе – чтобы я опроверг все нехорошие слухи, что расплозились о нем и его торговой лавке. Лысому мокасинофилу – тоже что-то нужно. Вы пришли сюда договориться. Но настолько привыкли потакать своему сучьему эго, что не в силах сдержаться, не в силах справиться с собственными характерами. Стоите тут и мнете вонючие булки в моей спальне. А я тут пытаюсь выздороветь и мне нужен чистый прохладный воздух... Слушайте сюда, серьезные гоблины маленького городишки – отвалите шагов на десять назад! И там в отдалении обдумайте то, что хотите мне сказать. И когда будете обдумывать, учитывайте самое главное – чтобы вы мне не предложили, о чем бы не попросили, для меня это должно быть выгодно. Выгодно! Если не услышите меня, если прямо сейчас не заткнетесь и

не отойдете – я начну стрелять! И еще вопрос осудит ли меня система – я ведь только-только из-под наркоза, лежу такой беспомощный, а ко мне два извращенца мокрые языки тянут... А если меня и осудят – да плевать! Сдохну так сдохну! Так что чутко выдохните, отступите и подумайте. И помните – мне это должно быть выгодно.

Замолчав, я натянул повыше одеяло, с натугой повернулся на не самый отбитый при падении бок и прикрыл глаза. Накатывала болезненная сонливость. Организм требовал простого и здорового подхода к себе – удариться башкой о стену и отключиться в пустоголовом оцепенении часиков на десять. Выжду немного и, если эти придурки не родят наконец свои предложения, так и поступлю...

Шум шагов по песку и гравию доказал, что хоть какой-то здравый смысл у этих гоблинов еще остался. Медленно погружаясь в блаженную сумрачную дрему, я ждал, мысленно прикидывая, кто из них подойдет первым. Я ставил на Сэма Жабу – он ведь постарше и поглавнее. Ему никак не к лицу переминаясь в сторонке в то время, как кто-то из молодняка решает свои вопросы. Тем более что все видят – Сэм Жаба вынужденно ждет в хвосте очереди... для людей с болезненной гордостью это как серпом по шарам.

Хуст тяжелых шагов... все верно. Сэм Жаба первым двинулся на штурм и наверняка с трудом сдерживает рвущуюся изнутри черную злобу. Еще бы – он, весь такой крутой и серьезный, ветеран и торговец, вынужден вежливо себя вести с каким-то залетным грязным гоблином, который к том же распускает о нем дермовые сплетни.

– Герой Оди – кашлянул Жаба.

Сдерживая стон, я медленно повернулся обратно, глянул на массивную тушу снизу-вверх.

– Этот вопрос надо закрыть.

– Вопрос?

– Эту проблему касательно слухов о моей торговой лавке и моем в ней поведении.

– Если ты про катание голым по мешкам...

– И это тоже.

– То я такое не говорил – покачал я головой и широко ухмыльнулся – Видать не все тебя в городе сем любят, да?

– Да как же не ты! Кто еще!

– Жаба... запомни – я вру только тем, кого боюсь, люблю или уважаю. Вру, чтобы таких как они не разозлить, не огорчить и не расстроить. Но ты... на тебя я срать хотел. Поэтому можешь быть уверен в одном – я всегда говорю тебе чистую правду.

– Ладно... а слухи о том, что у меня покупать позорно для героев?

– Это уже я – повторил я широкую ухмылку – Объяснять почему я себя так повел?

– Нет... но кто знал, что ты не просто очередной деревенский ушлепок с чересчур раскатанной губой и старым игстрелом за плечом? Хотя ведь почудилось мне что-то этакое в тебе... почудилось... Отмени свое табу, герой Оди. И отмени делом – зайди завтра с утра ко мне в торговую лавку, приобрети разных продуктов, часть из них съешь прямо у двери моего магазина – чтобы все видели. Денег не надо – наберешь рюкзак любых продуктов бесплатно. Почтение от магазина реальному герою и все такое.

– Ладно – кивнул я после секундной паузы – Договорились.

– Вот так просто?

– Почти.

– Почти... – расслабившийся было лавочник снова напруг внушительные щеки – Поясни.

– Ты человек деловой. И знаешь, что у всего есть своя цена. Я зайду к тебе завтра в лавку с пустым рюкзаком и пустыми ушами. Наполнишь и то и то. Рюкзак – продуктами. А мои уши – рассказом о вашей героической вылазке в Зомбилэнд и о том, как вам посчастливилось отыскать там клад. После этого мы в расчете.

- Чушь! Зачем тебе история что быльем поросла?
- Познакомился я недавно со зверолодом Стивом, что в прошлом бывал в Зомбилэнде...
- Стив Пес! – изумленно вздрогнул Жаба – Так он... он жив?
- Рассказ на рассказ меняем? Правду на правду. Никакого вранья.
- Договорились. Но...
- Но?
- Ты не станешь больше никогда называть меня жабой.
- При свидетелях не стану – кивнул я.
- Хрен с тобой, герой Оди. Завтра рано утром? На улице народу немало, а торговля утром вялая.
- Завтра рано утром, лавочник Сэм.
- Прощаться он не стал. Развернулся и столь же тяжело зашагал прочь, по пути разминувшись со спешащим лысым в мокасинах. А он что припас для меня?
- Сразись со мной, герой!
- Че? – вылупился я изумленно.
- Хван едва не подавился персиками, рыжая осталась безучастной.
- Я Артур!
- И?
- Ты не слышал этого древнего имени?
- И?
- Это имя уже долгие века наполняет мир звонким светом справедливости и истинной крутости.
- И?
- Сразись со мной.
- Ты меня не услышал до этого, лысый? Я же сказал – это должно быть для меня выгодно. Можешь даже не пояснять, чем это выгодно тебе – звонкий светлый Артур мечтает набуцкать харю выскочи гоблина Оди, чтобы поднять свою репутацию еще выше. Этакое пахнущее туалетным ванильным освежителем дешевенькое стремление. Но мне плевать – стремись, лысый, стремись. Моя выгода в чем?
- Как ты разговариваешь? Я Артур и меня знает весь г...
- Моя выгода в чем? – оборвал я распевшегося лысого.
- Ну...
- Сразиться с тобой – в смысле подраться? Кулак на кулак? Твоя харя и моя пятка? Так ведь?
- Благородный рукопашный – кивнул недоносок не любящий маму – Там же где ты дрался сегодня. Дрался и побеждал. Эйжоп все организует. Бой завтра к полудню. Материальная выгода – ты получишь сто крон за бой от Эйжопы. А если напряжешься, то и больше выбьешь. Ну что?
- Не – покачал я головой – Неинтересно. Вали отсюда.
- Что?! Как нет?!
- Вали отсюда.
- Эй! Так не пойдет! – сученыш шагнул вперед и замер, когда ему в живот нацелился мой игстрел, а привставший Хван оперся на перепачканные персиковым сиропом лезвия.
- Ты в дерьмовой ситуации – фыркнул я – Ведь силой меня драться не заставить. Придумал! Давай ты мне отсосешь до блеска – и за это я соглашусь завтра набить тебе рожу.
- Я Артур! Как ты сме...
- В чем моя выгода? – снова прервал я его – Сто крон? Засунь их себя в жопу и прыгай отсюда с веселым светлым звоном, debil Артур.
- Сколько?! – уже не сказал, а проскрежетал придурок.

– А сколько у тебя есть?

– У меня? А я тут причем? Я такой же боец, как и ты!

– Ты что-то слишком уж стараешься, чтобы этот бой состоялся – заметил я и удовлетворенно кивнул, заметив, как передернулась харя Артура – Бинго. Ты кому-то уже пообещал, что бой состоится, да? Кому? Девчонке смазливой? Нет... кому-то весомому и небритому? Точно... ты пообещал набить мне прилюдно рожу завтра к полудню кому из тех, перед кем облажаться ты не хочешь. Верно?

– Я поговорю с Эйжопом. Он выплатит тебе сто пятьдесят крон даже за проигрыш. Минимум двести пятьдесят – при выигрыше.

– Тысяча – ровно произнес я.

– Сколько?!

– Тысяча крон. Причем звонкой наличкой. Золотом или серебром.

– Это невозможно!

– Пшел нахер тогда.

– Слушай, герой Оди! Стремление к схваткам бурлит в нашей крови! Не позволяй деньгам стать между собой и истинной наградой героя!

– Он debil – пробормотала Джоранн – Конченный сука debil...

– Тысяча – повторил я – И это еще одолжение с моей стороны – я весь в ранах. За тысячу звонких монет я соглашусь не снимать футболки – чтобы зрители не видели, что ты вытащил на бой почти инвалида.

– Все так серьезно? – парень удивился всерьез и в этот момент мое уважение к нему чуть-чуть приподнялось со дна той ямы куда упало.

– Переживу.

– У меня нет таких денег. И Карл... Эйжоп не сможет выплатить тебе тысячу крон за выигрыш.

– Не за выигрыш. А за то, что я выйду на завтрашний бой вне зависимости от результата. А награда уже так и быть – пусть будет триста крон и можно даже закинуть через банкомат.

– Тебе не выиграть. Слушай... умерь аппетит, и я обещаю, что не стану калечить тебя сильнее.

– Тысяча.

– Да неоткуда ей взяться!

– Ладно – дернул я плечом – Ставь пушку на кон.

– Мой Экскалайзер?! – парень схватился за игстрел и отступил на шаг – Нет!

– Тогда вали нахер!

– Это часть моего тела! Часть души!

– Так все же боишься проиграть? – понимающе кивнул я.

– Тебе не выиграть, герой Оди. Без обид, но... я это я. А ты это ты. Тебе не победить.

– Вот ты и загнал себя в ловушку, debil – опять забормотала Джоранн.

– Попался – подтвердил я – Ставь пушку на кон. Ведь тебе в любом случае нечего бояться.

– Дерьмо! – подытожил итог наших переговоров Артур и, развернувшись, зашагал прочь.

Я терпеливо ждал. И ждать пришлось недолго. Через пять шагов он круто развернулся и рыкнул:

– Хорошо! Пушку на кон. Или тысячу крон. Плюс награда в случае твоей победы. Все верно?

– Все верно.

– Тогда договорились! Эйжоп! Ты слышал?!

– Я Карл! Карл, сука! Уймись наконец, народ! Я Карл!

– Ну... – подытожил я, укладываясь поудобней – Начало дня вроде занято.

– А после обеда что? – спросил Хван, протягивая липкое лезвие между жвал.

– Ну как что? Займемся влажными мечтами старого сурвера Джона Доуса – если не подвернется что-то более интересное.

– Старику помочь надо – кивнул призм и добавил – У него доступ ко всем сраным сладостям мира!

– Свихнулся ты на этих консервах – подытожил я.

– Зато от них я как турбо! Мозги кипят, мослы скрипят, чресла визжат и рвутся.

– Чресла визжат и рвутся? – переспросил я – Боец вот тебе прямой приказ – больше не допускай, чтобы тебе наступали на пах. Тогда и чресла визжать и рваться перестанут.

– Кха... да я не в том смысле! – вздрогнул Хван и почему-то оглянулся на заснувшую рыжую стерву – Совсем не поэтому!

– Ну да – кивнул я и натянул одеяло до бровей – И вот тебе еще один приказ, проказник с костяной жопой – бди следующие три часа. Следующим на пост заступает Каппа. Тоже на три часа. И последним – Рэк. Следите, чтобы к нашей геройской стоянке не приближались, к заманчиво пухлым рюкзакам и податливым сонным телам не тянулись. Понял?

– Понял.

– И периметр оглядывай – добавил я – Помни, что здесь полно ушлепков со стрелковым оружием. Это наша последняя ночевка вне стен – во всяком случае в этом городе. Завтра, если все еще будем торчать здесь, ночуем в надежном убежище.

– А где мы его возьмем?

– Возьмем – пожал я плечами – С мелочами разберемся по ходу дела, боец. И еще, гнида бывшая. Я тобой недоволен?

– В чем?

– Ни в чем и во всем одновременно. Тренируйся больше, Хван. Пойми – ты уникален. И никто не сможет показать тебе действительно стоящие приемы. Никто не может знать пределы твоего модифицированного тела. Ты в буквальном смысле должен сам познать себя. Дойти до пределов, а затем шагнуть за них. Экспериментировать.

– Да я понимаю, командир. Я стараюсь! Каждый день отжимаюсь, приседаю, сгибаюсь, прыгаю...

– Видел – кивнул я – Одна проблема, Хван. Ты тренируешься, ты действуешь как человек. Но ты не он! Ты гнида костяная. И это комплимент, а не оскорбление. Ты этакий мерзкий ящичек с неизвестными возможностями. Вот только ты даже не пытаешься открыть крышку и заглянуть внутрь. Не хочешь?

– Хочу! – лезвие с силой ударило в землю, войдя на несколько сантиметров – Хочу! Но я НЕ ЗНАЮ КАК!

– Делай необычное – сказал я.

– Это как?

– Видишь стену барака? – кивнул я на бетонную стену над нами.

– Ну?

– Вот тебе задание на дежурство – сорок минут ползаешь по стене не касаясь земли, двадцать минут отдыхаешь, еще сорок ползаешь, потом отдыхаешь. И последний час целиком проводишь на стене. Перемещайся по ней как хочешь и куда хочешь. Но земли не касайся, на крыше не сидеть, без движения не висеть. Ты все время должен перемещаться.

– Охренеть...

– Отказываешься, боец?

– Наоборот – рвусь начать! – призм с щелчками выпрямился, повел плечами.

– И еще один тебе совет – когда тренируешь прыжки, прыгай так, чтобы суметь запрыгнуть на крышу барака одним скачком.

– А?

– Ты правильно услышал. Ты ведь видел кузнечиков и богомолов. Вообще всех насекомых. И ведь все насекомые гораздо сильнее, быстрее и живучей человека. Когда тренируешься, держи в памяти не бугристого человека-качка со штангой, а муравья. Когда прыгаешь – думай о кузнечике с подпаленной жопой. Когда наносишь удар, режешь или душишь кого-то – думай о богомоле.

– Я понял...

– Приступай – зевнул я – Но бдеть не забывай! И не дай тебе твои боги рухнуть копытами на больного спящего командира, боец. Я тебе эти копыта запихаю в...

– Я понял куда! Не упаду.

– Вот то что ты понял – умножь на два – велел я и расслабился под одеялом, прислушиваясь к бульканью в животе и странным ощущениям в спине. Восстановление идет полным ходом.

Сон... оздоровительный долгий сон – вот то, что требуется выносливому неприхотливому гоблину рожденному на стальной Украине.

Немного сна – и я буду в порядке...

На землю полетела бетонная крошка. Пыхтящий призм, скребя коленями и лезвиями по стене, сполз почти до самой земле и шумно запыхтел, сверля злым взглядом не выдержавшую его трещину. Старайся, Хван. Старайся. И может ты сможешь сделать то, что суждено далеко не каждому – достигнуть своих пределов и шагнуть за них. Но для того, чтобы просто начать этот долгий путь, Хван должен понять главное – тут потребуется полная беспощадность. Беспощадность к самому дорогому существу в мире – к себе самому.

Глава вторая

Огромная бетонная коробка была поделена на одинаковые по размеру закутки с невысокими перегородками. В каждом закутке неудобный стул, экран, иногда старомодная клавиатура и неизбежные тупые мотивирующий и веселящие разноцветные наклейки повсюду. Ну еще столь же неудобный стул для посетителей – в крайние кабинки. Веселый домик для работающего таракана.

И еще один домик, стеклянный, этакий аквариум для важно надутого таракана по прозвищу «мелкий босс», был расположен прямо на стене, имел отдельный вход и, конечно, прекрасный обзор на весь рабочий зал забитый таракашками помельче. В этом стеклянном домике я и сидел, с удобством расположившись на кресле посетителя и, прихлебывая горячий скверный кофе из хозяйского бокала, с любопытством наблюдал за рабочим процессом одного из крохотных филиалов глобальной компании занимающейся всем подряд и в том числе муниципальным жильем, очисткой зараженных земель, авиа и морскими перевозками.

Когда мне надоело наблюдать за залом, я ненадолго отворачивался и, приложив лезвие особого ножа, слегка нажимал, отрезая еще одну дольку от большого пальца правой руки сидящего напротив парализованного хозяина кабинета. Остальные пальцы я ему уже срезал под корень и они, аккуратно нарезанные одинаковыми ломтиками, лежали у изувеченной ладони. По столешнице медленно растекалась густая кровь – руку я перетянул выше локтя, причем так, чтобы не перекрыть весь кровоток и позволить видеть жертве, как из нее медленно вытекает жизнь. Боли он не чувствовал вообще. И шевелиться не мог. Все что ему осталось – быть запертым внутри бесчувственного тела мясной куклы и наблюдать, как я методично режу его на части.левой руки нет уже по запястье – нарезанная масса в форме ладони лежит на столе рядом с правой.

С одинаковой легкостью прошедший через плоть и кость нож отвалил еще одну порцию большого пальца. Брызнула кровь, оросившая экран со скринсейвером в виде ползающего туда-сюда позитивного смайла с бодрой надписью снизу «Верь в себя!». Теперь смайл смотрел на нас сквозь кровавые брызги.

Отрезав кусок мяса, я глянул на владельца исчезающего организма. Тот мигнул. Мигнул один раз. А должен был дважды. Пожав плечами, я наметил черту и отрезал солидный кусок от правой ладони. Посмотрев в зал, увидел в одной из кабинок странно покачивающуюся фигурку посетительницы. Определив номер кабинки, прогнал позитивный смайл с окровавленного экрана и ткнул пальцем в нужный пронумерованный квадратик.

Экран ожил, показав кабинку со служащим и посетительницей. Из динамиков донесся их диалог. Хотя это больше походило на монолог. Раскачивающаяся женщина, нервно перебирая лежащий на коленях платок, торопливо говорила:

– Понимаете... я аккуратистка по жизни. Очень чистоплотная. Не терпящая запахов. Не терпящая беспорядка. Так меня воспитали – и я благодарна за это. Я до сих пор помню, как отец пнул меня в спину, когда я забыла смыть воду в унитазе, а затем схватил за волосы и макнул прямо в мои же... Это был хороший жизненный урок, сэр. Отец старался ради моего блага.

– Переходите к сути, пожалуйста. Вы пришли по талончику «Просьбы».

– Да, сэр, да. Я подхожу к сути. Понимаете, моего мужа уволили. До этого он работал в доках. И был на работе с раннего утра. Домой приходил поздним вечером. А я... я работаю удаленно. Весь день дома. Навожу порядок, мою, скребу, полирую. И тут мужа уволили... потом кончились деньги, и он начал проводить все время дома. А живем мы в двухместном семейном контейнере, сэр. Из тех, что ваша компания выстроила вдоль черты побережья. Там просто отлично. Вы не подумайте, что я жалуюсь! Я не такая! Меня отучили жаловаться в

раннем детстве. Отец мог быть очень убедителен. И... мой муж всем хорош, но он... он очень грязен... брызги на ободке унитаза сводят меня с ума! А эти грязные отпечатки пальцев на косяке... немытая посуда. Крошки на столе и полу. И он не любит мыться! Раньше у них был обязательный душ после работы. Он приходил домой чистым. А теперь может три-четыре дня не мыться. И раньше я могла немного отдохнуть от него – когда он был на работе. Ведь он у меня очень шумный. Включит какую-нибудь программу на полную мощность и сидит, смотрит, ржет, рыгает... в последнее время мне очень тяжело, сэр.

– Суть вашей просьбы?

– Понимаете... я терпела как могла. Но ведь всему есть предел? Так говорил мой отец – всему и всегда есть предел. Он говорил эти слова и брался за ремень с клепками. Мой отец был человеком жестким, но справедливым. Так все про него говорили. И вот сегодня, знаете, я не выдержала... Сегодня мой муж... **ОН ШВЫРНУЛ СТАКАН С НЕДОПИТОЙ КОЛОЙ В СТЕНУ! БРЫЗГИ ПО ВСЮДУ! СУКА! БРЫЗГИ ПОВСЮДУ! ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ! ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ!** И я... я не стала кричать, не стала устраивать скандала, сэр. Нет. Я не такая. Я серая мирная чистоплотная мышка. Когда он заснул – прямо там перед экраном – я набросила ему на лицо сложенную хлопковую старую футболку и восемь раз ударила его молотком для мяса. Не то чтобы мы часто ели мясо, сэр. В последнее время мы не можем себе это позволить и...

– Простите. Что вы сказали? Что вы сделали с мужем?!

– Вы спрашивали о моей просьбе, сэр... знаете, он все же был вашим работником, верно? И вы его уволили. Было бы справедливо, получи я от вас немного хороших чистящих средств, а также десяток больших крепких пакетов для мусора и...

– Охрана! Службу охраны сюда!

– Сэр... вы не слышите меня?

– Охрану!

Переведя взгляд на хозяина стеклянного кабинета, я удивленно хмыкнул и, подавшись вперед, глубоко вспорол ему руку от запястья до плеча, затем поднялся выше до ключицы и остановился в паре сантиметров от сонной артерии.

– Сэр – начал я в стиле качающейся посетительницы – Сейчас набежит охрана. Вас как начальника вызовут. Так что беседовать и дальше в том же неспешном ключе не получится. Так что либо сейчас ты выдаешь мне затребованный мной документ о морских темных перевозках за прошлый квартал, включая описание содержимого трюмов, либо тебя найдут в виде безнадежно мертвого изувеченного куска мяса. Так что даю три секунды. Раз...

Из динамиков продолжали доноситься слова посетительницы:

– Сэр, поймите – я просто еще не получила жалование. А в нашей единственной комнате сейчас стремительно разлагается мертвое тело. Это доставит неудобство не только мне, но и нашим соседям. А я не из тех, кто доставляет неудобство соседям. О нет, сэр! Никогда! Меня еще в детстве отучил отец бегать жаловаться к соседям. Он научил меня не выносить сор из дома. Все происходящее в семье – остается в семье. Я бы и сейчас все сделала сама, но...

– Охрана!

Хозяин кабинета моргнул дважды. И повторил. Из его глаз потекли слезы.

– Ты преданный служака – кивнул я – Не волнуйся. Перед уходом я отрежу тебе обе руки, отрежу нос, срежу брови и оскальпирую. Это обеспечит тебе прощение компании за то, что ты выдал ее секреты. А заодно и бесплатное медицинское восстановление по высшему классу. Звучит справедливо, верно?

Двойное мигание.

– Ну и хорошо – улыбнулся я, откладывая нож и тянясь за инъектором – Ну и хорошо...

Проснувшись, я широко зевнул, глянул наверх и увидел над собой висящую костяную жопу дрыхнущего Хвана.

– Прекрасный вид из окна, да, командир? – гыгыкнул сонный Рэк, занимающийся разминкой – Он решил после дежурства проверить как жукам и мухам спится на стенах. А до этого прыгал на стену. И высоко! Че это с ним? Персигов пережрал?

– Может и пережрал – кивнул я, убираясь из-под задницы богомола – Ох...

– Болит?

– Уже терпимо – ответил я, прислушиваясь к ощущениям тела – Что на завтрак?

– У нас каша со страусятиной. У тебя в принципе тоже, но еще вон там стучит копытами какая-то уродливая деваха. Мечтает поведать тебе что-то невероятно важное. Звать уродину? Или нахрен такой кошмар с самого утра?

– Зови – вздохнул я, поднимаясь на ноги и начиная разминаться – И организуй нам плотный завтрак, орк.

– Сделаю. Эй! Страшная! Иди сюда!

– Сам ты урод, урод! Я Ксива!

– Привет – мрачно кивнул я.

Мрачность была моя связана не с внешностью подошедшей девахи, а с тем фактом, что я был недоволен своим телом. Я проспал целых восемь часов. Даже чуть больше. И все равно не чувствовал себя восстановившимся. Ладно серьезные травмы – у поясницы и отшибленного бока право взбухать еще денек. Не каждый день гоблин прыгает с такой высоты на бетон. Но остальные травмы? Большая часть царапин подсохла и исчезала, но остальная «мелочь» продолжала болеть, зудеть, чесаться и ощущаться всеми иными способами. Плюс общая крепатура, занемелость и вялость.

– Разминка – выдохнул я в лицо Ксивы и, отвернувшись, начал с энергичных нагибаний.

Отвернулся, чтобы уродина вдруг не подумала, что я ей кланяюсь. А уродина не потому родилась такой. Ей и миру пришлось хорошо поработать над данной от рождения внешностью. На лице несколько шрамов, рубцов, пара десятков металлических колец, пружинок, странной проволоки и целое разлившееся синее море дешевой краски, что слагалось в не слишком умелое изображение совиного «лица». Ксива, если я правильно услышал ее имя, сделала все, чтобы стать похожей на сову. Причем на хорошо знакомую мне сову.

Выпрямившись, я глянул на ожидающую девку еще разок, оценив ее прикид – бесформенные мешковатые штаны непонятно как держащиеся на достаточно тонкой талии, вытянутая застиранная майка болтающаяся на удивительно высокой груди не стесненной чем-либо еще. Волосы коротко стрижены, причем стрижены так, чтобы напоминать взъерошенное ветром совиное оперение.

– Ты от Брухи – произнес я, начиная вращать тазом.

– Точно. Я ее верный совенок – согласилась Ксива – И я доставила тебе сообщение от легендарного сурвера Брухи.

– Совенок – без каких-либо эмоций повторил я – Угу. Ладно, совенок Ксива с сообщением от Брухи. Оно какое? Устное? Письменное? Может передашь жестами или танцем?

– Словами. Че ты такой злой, герой? Не выпался?

– Передавай.

– Госпожа Бруха видела, как вчера ты руководил действиями своего сквада. Она сожалеет о гибели двух твоих бойцов.

– Ага.

– Она заметила и твой великолепный потенциал. Твой опыт. Твою целеустремленность. И не могла не отметить тот потрясающий факт, что вы первые кому удалось стать героями во время первой вылазки в Зомбилэнд. Госпожа Бруха впечатлена.

– Когда закончишь размазывать повидло – скажи и я снова начну слушать. А пока... – я принялся приседать – Уф дерьмо...

– Эй! Слушай внимательно! Не каждый день кому-то приходит весточка от легендарного сурвера! Тем более от самой Брухи!

– Уф. Уф. Ох... ты тоже слышала хруст из моей жопы? Как думаешь, что это? Косточка?

– Я продолжаю!

– Давай.

– Еще она заметила, что не все из твоих воинов смогли показать все свои возможности.

Речь о рыжеволосой красавице.

– А че тебя так перекосило, когда произносила эти слова? – на миг прервавшись, я едко усмехнулся – Зависть берет к рыжим смачным соскам, а, татуированная?

– Да я... чушь! Я совенок! Верный совенок госпожи!

– Продолжай угукать доклад.

– Я тебе не служу, чтобы доклады давать! Я письмо озвучиваю!

– Ага.

– Бруха предлагает – давайте встретимся, герои. Нам есть что обсудить. Есть о чем договориться.

– Хм...

– Прежде чем ты что-то скажешь, позволь закончить.

– Ну кончай, совенок, кончай.

– С госпожи Брухи угощения всем по вкусу, герои. И подарок для рыжеволосой валькирии – особое заклинание, что резко усилит ее возможности и сделает куда полезней для сквада.

– Магия! – как чертик из табакерки рыжая выскочила из-под одеяла, широко распахнула огромные глаза – Магия!

– Ты кончила? – осведомился я у Ксивы.

– Закончила – ответила она, глядя на Джоранн так, как некрасивые или изуродованные смотрят на красивых – Закончила. А от себя добавлю – в Зомбилэнде уродуют быстро. Носи стальную маску, сестра. Береги личико. Удачи и вам. Я тоже впечатлена. Пока!

Развернувшись, Ксива гордо утопала, оставив меня в легкой задумчивости, но не в неподвижности – присесть стало легче, и я всю этим пользовался.

– Командир! – Джоранн выскочила из постели полностью и замерла, заметив спящего на стене богомола – Эй! Кто Хванчика к стене приколотил?!

– Сплю – пробормотал призм, и снова опустил голову.

– Магия! – рыжая сделала шаг ко мне, вытянув руки и делая пальцами хватательные движения – Магия... магия!

– Уймись – буркнул я.

– Магия! – Джоранн крутнулась вокруг себя.

– Уймись! – рывкнул подошедший с мисками орк – Командир. Тебе досталось самое смачное – жопа страуса политая перловкой! Вот она забота сержанта! Чистый белок, хорошие углеводы и немного помета для сладости! На Окраине за такую жратву мы что угодно сделали!

– Жопа страуса – проворчал я, потягиваясь – Сожрем и ее. Мы гоблины негордые.

И сожрал. Всю порцию. А порцию прожорливый орк, судящий «много-мало» по своим стандартам, притащил огромную. Впихнув в себя жопу страуса, политую перловкой, я ласково погладил оттопырившийся живот и, охая, поднялся. Глянул грустно на экипировку сложенную у моего спального места и тут же повеселел, вспомнив, что на утро не предвидится ничего серьезного. Во всяком случае, ничего такого, что потребовало бы облачения в потребную броню, что давно уже требовала починки.

Это, кстати, мысль.

– Займитесь экипировкой и оружием – велел я, предварительно оглядев имущество бойцов и убедившись, что со вчерашнего вечера пыли и крови на них не убавилось – Рэк, вижу вокруг гоблины толкуются с боязливо-заинтересованными мордами.

– Ага. Прямо напрашиваются либо в сквад либо по зубам отхватить. Задрали этими взглядами.

– Отбери нам еще пару центнеров второсортного мяса на следующую ходку. Сразу предупреждай – новички из наших ходок возвращаются в соотношении примерно один из трех. И это при самом хорошем раскладе. Остальные превращаются в зомбиный корм.

– Понял.

– И смотри, чтобы у них было хоть какое-то снаряжение и оружие. Полное фуфло вооруженное лишь звонким криком «Хочу быть героем!» и защищенное ментальной броней «Я рожден для большего» нам нахрен не надо.

– Понял.

– Сегодня попытаемся сдать системе и сразу же выкупить обратно трофейный игстрел. Пора и тебе на дистанции повоевать.

– Понял! Когда еще разок нырнем к зомбакам, лид? – орк в нетерпении переступил с места на места.

– Может уже сегодня – обнадежил я его – Приступайте. Хван! Джоранн! Каппа! Слышали приказы?

Дождавшись разной степени эмоциональности кивков, в свою очередь удовлетворенно кивнул и предупредил, стягивая и с себя несвежую футболку:

– Я проверю! Если найду грязь на снаряжении или оружии – пожалеете, обещаю. Каппа. Ты тут дольше нас. Поэтому тебе дополнительное задание – перебери в голове все бараки из известных. Суть – нам нужен наш персональный барачный отсек. Причем крайний, а не центральный. Расположение барака и степень загаженности неважны.

– Фу – поморщилась рыжая – Гигиена все же нужна, командир.

– Я и не сказал, что в грязи жить будем – хмыкнул я – Гоблинов работяг хватает. Понял меня, Каппа?

Еще один кивок. Задумчивость в обращенном на меня взгляде. Легкая сонливость.

– Не выпался, мечник?

Азиат едва шевельнул губами:

– Я снова видел... снова видение-воспоминание.

– О типе, что убил твою госпожу и ушел от твоего меча?

– Да. О том, кто избежал моего возмездия.

– Возме-е-езди-и-ия – протянул Рэк и хрипло загоготал, одновременно вытаскивая из тряпья свою куртку и задумчиво ее разглядывая – Будь проще, придурок.

Азиат пожал плечами. Чуть смущенно моргнул. В нем будто боролись две сущности – одна высокопарная, высокомерная, элитная, боевая и традиционная, осколок его стертого прошлого «я». А вторая – гoblin с мечом, парнишка сумрачный, но при этом не чурающийся простолюдинов и обычных мирских радостей.

– Ну и как? – не без интереса спросил я – На этот раз разглядел лицо?

– Нет.

– Жаль.

– Но...

– Но?

– Но я снова видел его.

– Ты говорил.

– И в этот раз он показался мне... знакомым.

– Это как?

– Я еще не понял.

– Ладно. Приступай к выполнению приказов, боец.

– Да, лид!

Подскочив, азиат принялся деловито шерстить свои небогатые пожитки, начав с попытки сложить вместе разорванную и заляпанную бурым майку.

– Все рванье – в топку – буркнул я – И приобретайте новое. Для новых бойцов уточню – мой склад ходит в черном. Или в сером. Увижу на ком желтые леггинсы – запишаю в задницу.

– А почему именно желтые леггинсы? – решила уточнить Джоранн.

– Ты меня слышала.

– Насчет магии Брухи...

– Общение кончилось – отрезал я, натягивая черную футболку, что чуть жала в плечах, зато просторным мешком болталась вокруг торса – Хватит болтать! За дело! И не забудьте место нашей лежки тотально прибрать потом, все аккуратно сложить. И чтобы хотя бы один из бойцов постоянно оставался на страже у наших вещей. Рэк – проследи. Если что – спрошу с тебя.

– Понял. Хван – ты часовой!

– Опять я?

– Не спорить с сержантом, салага костежопая!

– Да мы просто тоже глянуть хотели!

– На что?!

– На бой командира с этим светлым дебилом.

– А-а-а... тут тебе не повезло. Хотя – лезь на крышу. Оттуда что-то да увидишь.

– А может как-то договоримся... сержант?

– Ты часовой! И не колышет!

– Мандибулы мне в зад...

– Какой-то ты живчик сегодня. Персигов пережрал?

– Рэк...

– Сержант!

– Слушай... ну с крыши же хреново видно будет. Давай ты на страже, а в обмен...

– Пошел нахрен! Каппа! Сказал же тебе командир, мечник ты луножопый – выкини майку! Купи новую!

– Истинный воин знает цену каждой мелочи...

– Цену каждой рваной облеванной майке?! Выбросить!

– Хорошо... Но это расточительство.

Дальше я уже не слышал. Взяв с собой только нож, я покинул спорящих бойцов, бросив задумчивый взгляд на устанавливающего авторитет Рэка – получится ли у взрывного? – обогнул угол первого барака и оказался на славной улице Жильная, она же Центральная, она же источник всех благ и сладостей городка Уголек. Улица коротенькая, одним концом упирается во врата Зомбилэнда, а другим в огромную прибрежную жилую платформу. И я до сих пор там не побывал – у платформы, где, по слухам, расположена основная масса зланных мест и где скучкованы самые серьезные гоблины сего поселения.

До лавки Сэма Жабы было рукой подать. И нижайшая просьба его легко выполняема – зайти, набрать пакет бесплатных вкусняшек, выйти в обнимку с мерзко улыбающимся хозяином лавки и демонстративно счавкать кусок колбасы на глазах почтенной публики. Этим действием я сниму некое табу на посещение магазина Сэма Жабы настоящими героями. Хотя, уверен, что торговля у него продолжается бойкая. Не настолько я известен и крут, чтобы мое веское слово остановило весь товарооборот Жабы. Просто Сэм очень уж ревниво относится к своему магазинчику, где он, пуча израненную шею и надувая щеки, сидит богатенькой сытой жабой, что давно уже даже не глядит в сторону Зомбилэнда. А ведь некогда юный Сэм Жаба прилепал сюда с мыслью стать героем и отправиться на приключения в сторону Земель Завета. Разве нет? Но вот она жизнь...

К лавке я пока не пошел.

Пару раз крутнув нехорошо хрустящей шеей, я обнаружил искомое – лениво и при этом аккуратно лущающего семечки в кулачок тощего молодого паренька с прической в стиле «ядерный ежик познавший ожоги» и жидкой светлой бороденкой не скрывающей странно удлиненного и раздвоенного подбородка. На меня паренек не смотрел, буду полностью поглощенным любованием чистенько выметенной бетонки под обутыми в желтые строительные ботинки ногами. Подойдя вплотную, я ткнул ладонью ему в грудь, прижал к стене и, заглянув в забегавшие глаза, ласково спросил:

– Меня пасешь, козлик?

– М-б-б-б-е! – ответил паренек и тут же поправился – Ну что вы... г-герой Оди! Ну что вы...

– Еще раз соврешь, и я аккуратно срежу тебе лживые губы и запихаю их тебе в...

– Вас пасу!

– Кассандра поставила пастухом? Я ведь не овца. Я волк. А ты точно не волкодав, да?

– Не скажу кто. Срезайте губы – зажмурился парень.

– Верный – с одобрением кивнул я, поняв ответ – Если знаешь где она – отведи к ней.

– А вы ее...

– Какой ты пошлый...

– Я не про то! Вы что! Не в смысле – трахните, а... ой!

– Все же пошлый – усмехнулся я – Юный обожженный развратник. Почему скальпа нет?

– Испытание самодельного огнемета прошло не слишком удачно.

– Ты придумал?

– Нет.

– Кассандра?

– Мы стараемся. Хотя я просто на подхвате.

– Слушай сюда, подхватный. Ты просто беги в нужном направлении. А я, не спеша похрамываю за тобой. Если Кассандра не захочет меня видеть или занята – прискачи навстречу и сообщи. Я в обиде не буду. Понял?

– Да. И спасибо!

– Беги.

– И не говорите ей про мои мысли о том... ну что трахнуть там... и любоваться бабочками на голых шикарных сиськах...

– М?

– Ой... ой...

– Да-а-а-а...

– Это... у меня есть десять крон. Налом. Подарить?

– Не.

– Очень прошу – позвольте подарить вам денег! Прошу!

– Уговорил. Давай – вздохнул я, протягивая ладонь.

На мою ладонь с легким звоном опустились серебряные монеты, паренек, чуть заикаясь, проникновенно попросил:

– Не губите меня, герой.

– Скачи.

– Спасибо!

Забросив в рот остатки семечек, безымянный мечтатель о бабочках на сиськах юркнул в щель между бараками и достаточно неспешно куда-то целеустремленно потопал. Я двинулся следом. Пару раз оглянувшись, паренек оценил мою скорость и еще чуть ускорился, начав удаляться. Не пытаясь его догнать, я мирно шагал по дорожке, с интересом оглядываясь и подмечая окружающий меня быт.

Люди, люди, люди...

Гоблины, гоблины...

Они прибыли сюда убивать зомби и поднимать свой статус. Но пару раз жестоко обжегшись, решили чуть обождать – главная их ошибка – и, чтобы занять чем-то уйму появившегося свободного времени, начали заполнять его бессмысленными делами «для души».

Вот небольшой садик за невысокой аккуратной оградкой из сплетенных жердочек и веток. У оградки сидит костистый и мрачный однорукий старик, не сводящий взгляда с покачивающихся в садике желтых и красных цветов. У самой стенки лениво зреет парочка тыкв – похоже, именно их и охраняет искалеченный старик в заштопанном синем комбинезоне. Отвлечшись на звон, старик взглянул на подбрасываемые монеты, вздохнул. Хмыкнув, я снял со стопки пять штук и опустил в автоматически подставленную ладонь.

– За что?

– Просто так.

– Просто так не возьму!

– Ого... а почему тыква?

– Девять крон за штуку. Тут свежие овощи редкость. А тыквы в размерах серьезные! За качество головой ручаюсь.

– Держи десятку. И второй овощ тоже побереги для меня. Вернусь – куплю и заберу обе.

– Хорошо день начался... а ты кто будешь?

– Оди.

– Герой Оди? Тот, что с первого захода стал героем? Лидер сквада порвавших шаблоны новичков?

– Ну примерно...

– Можешь забирать обе тыквы, герой. Ты достоин доверия. И уважения.

– Ты удивительно принципиальный старикан – улыбнулся я – Героем так и не стал?

– Не стал. Сюда пришел уже седым. Надоело огороды в родной деревне от кабанов охранять. Решил стать героем. Но не сложилось. Потерял обе ноги и руку, а заодно почку и селезенку. Теперь снова охраняю огороды.

– Но уже от гоблинов вороватых...

– Такая вот сучья круговоротная жизнь, где каждому свое место. Но я не жалею.

– Вижу. Тыквы побереги, старик.

– Приберегу. Есть и третья. Ее вчера сорвал один гад наглый. Но я успел выскочить, и он ушел.

– Кто такой?

– Дрындием кличут. Один из тех, кто крутится вокруг пифии. Реально наглый. Я в тыкву вцепился, а он не отдает. Еще и толкнул... Если бы не прохожие – забрал бы тыкву у меня. Мать тут не видит толком – сумрачный местами переулочек. И ведь вернется гад – по глазам видно было. Но теперь ему не обломится – тыквы то ты купил. Ха!

– Крутится вокруг пифии? Вокруг Кассандры?

– Ага.

– Хорошо – кивнул я и зашагал дальше.

С самой упомянутой я встретился прямо за углом.

– Доброго утра, герой – улыбнулась мне повелительница бабочек, смахивая красного мотылька с щеки под левым глазом – Как спалось? Как раны боевые? Почто встречи возжелал?

– Возжелал – хмыкнул я, глядя на стоящего шагах в пяти красного как вареный рак «козлика».

Обожженный был не один. Рядом стояло еще три бойца – уже из основы. Из сквада, судя по всему. Во всяком случае из тех, кто был тогда у входа в Уголек вместе с пифией.

– Дело было одно, но их вдруг стало два – продолжил я – Начну со второго. Кто такой Дрындей?

– Дрындей? – Кассандра явно удивилась – Да почти никто. Претендент. Мечтает попасть в мое правое крыло.

– Куда?

– Я вывожу из основного сквада двух доверенных бойцов и создаю еще два отряда. Плюс четвертый отряд давно уже есть – он у нас как обозный, грузовой и медицинский.

– Мудро – кивнул я.

– Придумала не я. Это путь всех разумных лидеров. К Зомбилэнду надо быть готовым. Иначе станешь не героем, а кормом. Что насчет Дрындея?

– Он обидел моего личного поставщика овощей.

– Твоего личного поставщика?

– Тут за углом старик однорукий цветы и тыквы растит. Цветы для себя. Тыквы для меня. Дрындей сорвал мою тыкву. И теперь тыква недозрелая... разве это не грустно?

– Ты серьезно сейчас?

– Более чем.

– Ладно... цена вопроса?

– Пятьдесят крон компенсации моему личному огороднику из личных финансов тупого Дрындея. Это по деньгам. А по морали – сегодня он должен прийти к огороднику и на его глазах сделать следующее – разбежаться и врезаться мордой в бетонную стену с такой силой, чтобы разбить свою гребаную харю в кровь.

– Я, кажется, поняла. Став героем, заодно решил стать защитником сирых и убогих? – тонко улыбнулась пифия. По ее правой щеке медленно летела зеленая бабочка с оранжевой каемкой на крылышках.

– Дело в другом – покачал я головой – Ты ведь сама только что говорила о резервном обозном и грузовом отряде.

– Верно.

– Те, кто растит в этом городе овощи, кто знает прошлое, кто может поделиться опытом...

– Это и есть резерв. Я знаю. И я делаю все, чтобы защищать стариков Уголька. И не только я – кивнула пифия – Дрындей будет наказан. Но давай без ударов харей о стену. Это в минус моей репутации. Поэтому сделаем проще – сегодня тупого Дрындея приведут к твоему личному огороднику и на глазах старика пару раз смачно дадут ему по роже и разок в живот. Вручат пятьдесят крон старику, Дрындей извинится и вопрос будет исчерпан.

– Добрая ты – хмыкнул я – Хорошо.

– Второе дело?

– Стив Пес.

– Слышала эту историю про клад.

– И даже помнишь имена героев...

– Я вообще многое помню. К чему ты?

– Стив Пес унес из Зомбилэнда зверя компаньона погибшего сурвера.

– Так... этого я не знала.

– Узнала бы. Вчера мы рассказали эту историю старикам. А те быстро расскажут остальным. Зверолоуд Стив Пес унес плюшевого медвежонка, зверя-компаньона погибшего сурвера.

– Интересное продолжение легенды. Уверен?

– Я видел Стива лично. Видел и медведя.

– И что ты хочешь от меня?

– Мне нужен этот гребаный плюшевый мишка – улыбнулся я.

– Зачем?

– Понятия не имею – признался я.

– Юлишь? Хитришь? Утаиваешь?

– Вообще ноль – покачал я головой – Разве что дико жалею, что в свое время упустил Стива. Я прозевал. Сглупил. Был слишком ошарашен видом окружающих природных красот, башка была перегружена новой инфой от добросов, впереди маячила Тропа... и я попросту недооценил увиденное. И позволил мохнатожопому свалить вместе с мишкой. Придя сюда послушал легенды и понял, что именно считай было в моих руках и что я по своей тупости упустил.

– А что именно было в твоих руках, герой Оди?

– Плюшевый мишка. Зверь-компаньон погибшего сурвера.

– Это я уже слышала. Но что он тебе даст? По сути, это осиротевшая игрушка... робот... устройство... даже от резиновой жены Джона Доуса больше толка, чем от плюшевого мишки.

– Я не знаю – повторил я – Но я хочу мишку.

– Может в твоей голове что-то уже сложилось, но ты пока не понял, что именно?

– Может и так. А может я просто жалею, что упустил Стива.

– Это было очень давно. Очень.

– Это информация – не согласился я – А любую информацию можно как-то использовать. И в первую очередь плюшевый мишка – источник этой самой информации. Очевидец давних событий. Мишка в буквальном смысле этого слова видел штурм бункера, возможно видел и гибель хозяина.

– И возможно видел Однара и всех его бойцов – добавила Кассандра и потрянула головой – Ладно! Это очень интересно. Я правильно поняла? Ты хочешь, чтобы я послала людей на поиски Стива?

– Да – кивнул я.

– Ты представляешь, насколько мизерны шансы отыскать зверолода в лесных дебрях вдоль Тропы? Он где-то живет на постоянной?

– Нет. Он бродяга. Но он точно не ходит в Земли под властью Плюса, как он их называет. И вряд ли он приближается к Зомбилэнду. Так что Стив тусуется вдоль Тропы между этими точками. Насколько я знаю статус у него уже чистый, так что он может спокойно общаться, сидеть у костерков. Это позволит расспросить свидетелей и выяснить, где его видели недавно.

– Шансы мизерные – повторила Кассандра – Шансы никакие.

– Я бы его отыскал – произнес я.

– Я пошлю три тройки – решила Пифия – Пошлю опытных.

– И спокойных – добавил я – Не надо убивать Стива... раньше времени. Надо дать ему понять, что либо он сам придет и притащит чертового зверя, либо же зверя у него заберут. Зверолоду надо внушить главную мысль – его любимая мохнатая игрушка нужна нам на время. И он сам тоже нужен – мирно расскажет все как есть и пусть валит на все четыре стороны.

– Так ты все же что-то сложил воедино?

– Нет. В башке лишь обрывки. Но у меня куча времени, чтобы разобраться.

– Я отправлю бойцов сегодня же. И это ведь моя услуга тебе, герой Оди?

– Верно – признал я – Это твоя услуга мне.

– Так когда мы уже сядем и поговорим?

– Утро у меня занятое...

– Я уже наслышана.

– После полудня?

– Угощу тебя особым обедом.

– Где?

– Платформа. В два часа дня. Если будешь в состоянии после драки с Артуром. Он... он очень силен в рукопашном бою. Быстрый, сильный. Но при этом никогда никого не калечит.

– Значит бояться мне нечего.

– А еще он с кем-то вчера поспорил, что легко сделают в бою один на один новоявленного стремительного героя Оди.

– С кем?

– Этого пока не знаю. Но с кем-то из весомых лидеров сквада героев. Прояви осторожность, герой.

– Ага. Мой огородник...

– Все будет компенсировано. Дрындей нормальный парень. Просто его недавно бросила девушка. Вот он и забыковал чуток.

– Тронет моего огородника еще раз – и его бросит собственный член.

– Передам. Что-нибудь еще?

– Одолжи двадцать крон. Деньги есть, но...

– Не объясняй. Двадцать? Держи...

На место стоянки я вернулся с тремя тыквами и торжественно вручил их оторвавшейся от чистки ножа Джоранн, предупредив:

– Это в общий котел.

– Если сварить с сахаром или с медом будет очень вкусно – щелкнул жвалами Хван – Лучше с медом! Гречишным... и сахару щедро добавить...

Погрозив ему кулаком, я пробурчал, что скоро вернусь и вернулся на Центральную. В горле пересохло, но я не переживал по этому поводу – есть где напиться чем-нибудь вкусным и при этом бесплатно.

– Ты уже раз мимо прошел! – поприветствовал меня вышедший на порог Жаба.

Сегодня его и без того одутловатое лицо выглядело особо оплывшим, а дыхание несло запах алкоголя и чего-то сладкого.

– Вы тут поголовно самогон персиками закусываете? – спросил я, заходя в лавку.

– Я – ананасами! – гордо ответил Сэм, заходя за стойку и усаживаясь на высокий стул – Ну выбирай, набирай, трамбуй рюкзак.

– Не – отказался я, оглядывая стройные пирамиды и ряды продуктов – Возьму пару банок с фруктовыми консервами. И литр самогона. Ну и литр компота, чтобы горло смочить.

– Жиденько что-то...

– А мне от тебя не жратва нужна – ответил я широкой улыбкой и оперся поясницей о стойку – О хорошо как...

– Кираса – произнес лавочник – Кираса.

Для пущего эффекта он стукнул себя ладонью по загудевшей груди. На этот раз язвить я не стал и просто кивнул:

– Кираса. Сколько стоит такая?

– Реально крутая кираса, легкая и прочная, обойдется тебе в полтораста крон, герой.

– Хрена себе цены.

– А то! Но это с рук. В торгматах будет дешевле. Но в торгмате хрен купишь – там все время перекупщики тусуются в ожидании выброса. Я посоветую тебе брать модель «Пал4». Моя на единицу меньше – «Пал3». Но столько раз меня выручала, что менять ее не собираюсь.

– И в чем крутизна этой модели?

– Кирасу зомбакам не пробить. Игстрелом обычным не пробить. Плюс она легкая – это какой-то сплав. Плюс в ней вот тут вздутие, видишь? Под сердцем небольшая шишка.

– Ага.

– Догадался?

– Для аптечки?

– Точно. В четвертой модели тут, только не смейся, отодвижная дверка чуть пониже сердца. С ключом особым запорным. Если аптечку сменить надо в условиях боя – отпираешь замок, отщелкиваешь задвижку, меняешь аптечку и захлопываешь.

– Какой долбанутый урод придумал такую систему? Это же тупо. Достаточно прижать вторую аптечку к шее.

– А вот хрен. Не всегда, но иногда две аптечки на теле – смерть.

– Почему?

– А потому что каждая сама оценивает состояние организма и выбрасывает в кровь то, что считает нужным. Вот и представь, если две аптечки разом выбросят по дозе химии. Скопытишься! Поэтому, если не берсерк и не самоубийца, то лучше быть умнее. И держать одну аптечку под кирасой, где ее твари содрать не смогут. А вторую аптечку в поясной сумке. От чистого сердца тебе советую. Тактика проверенная. Ты сам же видел – в Зомбилэнде все как на кардиограмме. Бой-спокойствие, бой-спокойствие. Всегда отыщешь паузу, что сменить аптечку.

– Верно... Уже слышал такое. А у тебя ведь немалый опыт накоплен...

– Плюс у всех моделей «Пал» есть крепежи, где надо. На воротнике, на плечах, по нижнему обрезу защелки разные. Так по чуть-чуть можешь целый рыцарский доспех на себе собрать. Я в свое время цеплял шейную защиту, наплечники с шипами, кольчужную юбку, наколенники. Ну и шлем, само собой.

– Само собой – кивнул я, в то время как в голове плавала мысленная картинка давным-давно, почти что в прошлой жизни виденных рыцарей-гномов. Там ведь тоже считай сплошной металл был...

– Кираса «Пал4» тебе минимум в три сотни встанет, герой. Но потратить советую. Стоит того. Если хочешь – черкану записку оружейнику Вудро. Он больше по атакующему, но из защитного кое-что держит.

– Черкани – согласился я – Но это потом, Жаба. Это потом.

– Мы же договорились!

– Здесь свидетелей нет.

– Называй меня Сэмом. По-человечески.

– По-человечески – хмыкнул я – Я так не умею, лавочник. Я гoblin. Злобный и ехидный. А ты... ты сдался. Испугался. И засел в своей жабьей богатой норке, медленно сглатывая сдобренный ананасами самогон и незаметно превращаясь в старика. Да, претендент Сэм Жаба?

– Да, герой Оди. Все так. Я растерял свой задор.

– Так что насчет рассказа о былых временах, когда ты еще был полон юношеского задора и нетерпеливо стучал лапками по бетону?

– Ты зря надеешься услышать что-то интересное. И уж точно не услышишь ничего для себя полезного.

– Это я сам решу. А с тебя одного хочу – чистой правды и ничего кроме правды. Никаких домыслов, никаких предположений. Только факты.

– Договорились. Да я бы и так рассказал.

– А я в любом случае сожру что-нибудь на твоих ступеньках – мирно кивнул я – Рассказывай, лавочник. И где мой компот?

– Может морс? Кисленький.

– Давай.

Получив в лапы две полулитровые бутылки с красноватой жидкостью, поерзал копчиком по стойке, выискивая положение поудобней, откупорил первую порцию, сделал глоток и приготовился слушать. Пока я готовился, Сэм Жаба успел дойти до двери, перевернуть табличку «открыто-закрыто» и запереть дверь на засов. Вернувшись на свое место, высыпав на тарелку крекеров, он налил морса и себе, задумчиво чуть помолчал и начал рассказывать давнюю-давнюю историю.

Закончил он так быстро, что меня аж перекошило – и от разочарования и от реально до невозможности кислого морса. Пойло дико кислое. И либо в него витамин С аж ногами

трамбовали и жопой дожимали, либо... ох... как же кисло. И какой же хреновый рассказ... Отставив допитую бутылку – да кисло! Но гоблин жадный и раненый! – я грустно глянул на лавочника.

– Запей сладеньким. И заешь – ко мне по стойке пододвинули банку с чем-то апельсиновым и тарелку с плавающими в ней ананасовыми кольцами. Одно кольцо было надкушено. Отодвинув его в сторону, подцепил целое и запихал его в пасть. Зажевал, одновременно разглядывая банку с фруктовым напитком. Витиеватая извилистая надпись гласила, что я держу в руках сильногазированный напиток «Апельсомедовье», что обязательно утолит мою жажду, снабдит организм цинком, магнием, витамином С и профилактической дозой некоего многократно воспетого легендарного «Rad-X». Ниже уже привычное «Бункерснаб» и странноватое «И за Концом есть Жизнь! Не унываем!». Вроде уже как более чем достаточно текста для полулитровой банки напитка. Но нет. В самом низу еще одна многозначительная и нихрена не понятная надпись «Вы спасены для большего!».

Насколько сильно прочитанное мотивирует или хотя бы повысит настроение запертому среди кровожадных тварей в Зомбилэнде сурверу со стертой памятью? Ненамного. Особенно учитывая поясную бомбу и короткий поводок.

– Легендарное пойло.

– В смысле по действию?

– В смысле – от легендарного сурвера получено. И напиток среди героев популярный.

Такая банка влет за сорок крон уйдет.

– Четыре тыквы! – возмутился я.

– Что?

– Да так... Ты сейчас намекаешь, что такой вот напиток может получить по бункерному снабжению только сурвер легендарного ранга?

– Верно, герой.

– И чего ж ты так расщедрился?

– Да потому что рассказ мой тебя явно разочаровал.

– Еще бы – вздохнул я, выламывая кольцо и открывая банку – Ты мясо, Сэм. Тебя взяли в тот сквад по тому же принципу который я сегодня озвучил своему орку.

– Чувствую, меня этот принцип огорчит, да?

– Тебе решать. Я сказал орку, что ему надо отыскать мне еще пару центнеров второсортного мяса и велел не брать полное фуфло не подумавшее о какой-нибудь защите и оружии.

– Звучит как описание деревенского дебила в старенькой клепанной куртке и начищенном до блеска отточенном топоре лесоруба.

– Ты описал себя – кивнул я.

– Ну да... так что насчет...

– Я выпью эту банку сидя в одиночестве на твоём крыльце.

– Спасибо – облегченно выдохнул Жаба – Знаешь... пусть и ерунда это все твоё табу, но вот эти слова твои про «непростительно для настоящих героев»... прямо за сердце почему-то зацепили. А сейчас как занозу достаю.

Взяв с прилавка пакет, я отсалютовал лавочнику банкой напитка с непристойным названием:

– Удачной торговли... Жаба.

– Все же ты мудака.

– И не ходи больше в Зомбилэнд никогда. Иначе не вернешься.

– Тоже такое что-то чую. Иногда вот прямо нахлынет двинуться к тамбуру...

– Как нахлынет – бегом в бордель. Там отпустит – посоветовал я и вышел на улицу.

Там, усевшись на верхнюю ступеньку так, чтобы не закрывать посетителям проход, задумчиво хлебнул напиток и удивленно хмыкнул – вкусно. Прямо вот вкусно... прямо вот химия, конечно, но при этом недешевая. В отличии от рассказа Жабы...

Вся его история про тот веселый поход сводилась к тому же, чем сейчас занимался орк Рэк, выискивая следующих желающих поиграть с кусачей смертью – его отобрали по внешним признакам и пригласили в стихийно сложившийся сквад новичков.

В тот день Жаба толкался у платформы, всячески стараясь напустить на себя бывалый вид, поминутно одергивая самолично проклепанную двуслойную кожаную куртку и то и дело опуская ладонь на рукоять крепкого топора. Делу эта его напускная бравада помогала мало – сам Сэм с просьбами взять его в отряд не лез, стоял чуть на отшибе и несмотря на все усилия на его краснощекой роже было крупно начертано «Лопух зеленый». Казалось бы, самое время сдаться и понуро топтать на рабочее задание. Но что-то заставило пухлощекого Жабу задержаться. И это решение изменило его судьбу – через полчаса его в открытую оглядели, задали пару вопросов, а затем сосватали в сквад, что собирался отправиться в Зомбилэнд немедленно. Самоубийство! Но Сэм согласился. И не прогадал – ведь они вернулись с царским кушем.

На этом, в принципе, рассказ Жабы заканчивался.

В буквальном смысле слова.

Красочный эпилог не в счет – заключающийся в описании того, как он рубил сучья и тут вдруг заорали про найденный тяжеленный сундук. Сэм не видел, где именно отыскивали контейнер. Он не видел и ничего не слышал про мишку-компаньона. Он даже самых чертовых руин разоренного бункера не видел. Все что он видел – буковое бревно, грязь, сучья, парочку отнюдь не крутых зомбаков. Ну еще ему, когда они уже выбиваясь из сил перли реально тяжеленный контейнер к выходу, почудился насмешливый тонкий голосок упоминавший чью-то тупую харю с губами предназначенными только для одного – сосать и сосать.

Когда вывалились наружу, чуть отдышались и начали делить, Жаба впервые увидел содержимое вскрытого ящика. Ну что... большей частью там было прямо дохрена консервов, но нашлись и оружейные блоки и боеприпасы и много чего еще из того, что пусть не слишком уникально, но при этом ценно, если судить по вырученным за продажу кронам.

Сэм получил свой куш. И у него хватило мозгов на то, чтобы понять – такая удача больше не улыбнется никогда. Поэтому львиную часть куша он продал, обменял и в конечном счете перевел на личный счет. На малую часть приобрел верную стальную кирасу, что служит ему и по сию пору.

Сквад тот распался сразу же. Ссора? Да, ссора была у некоторых. Но сам Жаба ни с кем не ссорился.

Кто ссорился?

Да кто-то из обычных с теми.

Обычные – в смысле нормальные гоблины. А «те» – призмы. Вроде как кто-то обвинял призм в чем-то, но убей не вспомнить в чем именно.

Так кто нашел сундук?

А хрен его знает.

А кто закричал про то, что нашли сундук? Это помнишь, Жаба?

Помню. Стив Пес кричал. Аж гавкал.

Хорошо. А кто вскрыл сундук первым?

Не видел.

Кто толкался рядом с открытым контейнером?

Был щелчок крышки. Видел у сундука вроде как Ранхву Навозницу и Стива Пса. Но там и остальные живо качнулись к сокровищу. И толпа нахлынула галдящая.

Кто собирал сквад? Кто сватал новичков на немедленный поход?

Ранхва Навозница и Стив Пес. Еще вопросы?

Вопросов больше не имею, Жаба. Торговли и процветания тебе.

Допив напиток, я смял банку и бросил ее в стоящий рядом со ступенями большой мусорный бак. Поднявшись, неторопливо зашагал к месту стоянки, провожаемый взглядами зевак. Еще одно дело сделано.

Ага...

Гоблинское табу снято. Вот ведь бред...

– Стою тут на посту впроголодь – встретил меня Хван, не отводя взгляда от пакета.

– Персики тебе. Одну банку! Остальное – старикам здешним.

– Тем, кто в беседке по соседству?

– Им самым. И поблагодари от души, что мол приглядывают за нами и так далее. Намекни, что обед рады будем снова с ними разделить. Меню то же самое – страусятина в перловке.

– А может ты сам, командир? Поблаговаришь и все такое.

– Я благодарить особо не умею – развел я руками и развернулся – Остальные где?

– Кто стирается, кто шмотьем закупается. Ты морду дебила бить двинулся, Оди? А? А?

– Приглядывай тут.

– Я на крышу!

Ничего не ответив на завуалированный намек на то, что рядовой состав жаждет посмотреть как командира пинают по роже, я дотопал до угла, где на несколько минут задержался, заставив ноющее скованное тело хорошенько размяться. Заодно прислушался к хрусту суставов и визгу ушибленного мяса, определив свои текущие возможности. Закончив с энергичной разминкой, разогнав кровь по мясу, двинулся к месту будущей стычки. Миновав стоящего на крыльце Жабу обменялся с ними суховатыми кивками. Удачи мне Сэм Жаба не пожелал. И я не был в обиде – он торговец. А главное кредо любого успешного торговца максимально просто – всегда соблюдать нейтральность. Идет война? Будь дружелюбен с обеими сторонами и обеим продай хорошее оружие, плохонькую броню и море отличных бинтов и жгутов для остановки кровотечений. Так что я не в обиде, Сэм. Я не в обиде.

Да я вообще настроен равнодушно ко всему. Правда, равнодушие все же треснуло, когда я увидел огромную толпу, что продолжала разбухать на глазах. Само собой толпа собралась вокруг места будущей драки и в этот раз тут собрался весь цвет общества. От сверкающих кирас, кольчуг, панцирей, шлемов и наплечников буквально рябило в глазах. Особенно поразило то, что на многих присутствующих имелись тряпичные разноцветные плащи похожие больше на свисающие с плеч знамена с различной символикой. Оттопыренный средний палец, сжатый кулак, буква V, оскаленные крошащиеся зубы, голова зомби пробитая топором, голова зомби проткнутая мечом, чуть расплюснутая голова зомби прижатая шипастым стальным сапогом...

– Пахнет аристократией – поморщился я и подсознание тут же подбросило еще одно воспоминание – паучий разодетый бал-маскарад в их поднебесном замке Лихткастил. Там я впервые увидел умную красотку паучиху с огромными амбициями и нравом настолько безжалостным, что всем ее врагам можно только позавидовать.

Не дойдя шагов десять, я приостановился и широко зевнул, одновременно изучая плотную толпу. Как-то вот не улыбалось мне протискиваться через эту массу гоблинов. Не то чтобы боялся задохнуться от вони их эго, но вот наткнуться почкой на чей-то нож или даже просто умелый кулак как-то не хотелось. А шансы получить удар вполне реальны – уверен, что на мой предстоящий бой с Артуром уже сделано море ставок и суммы там реально впечатляющие.

– Мы здесь, лид – за моей спиной вырос Рэк, за ним сгруппировались остальные – Раздвинуть этих любопытных хренососов?

– Ага – не стал кобениться я.

Мы шатнулись вперед и... навстречу выскочил сияющий как полуденное солнышко Эйжоп, тут же завопивший во всю глотку:

– Добро пожаловать, герой Оди! Добро пожаловать на бой! Второй боец прибыл! И этот тот боец на которого поставили очень многие! Расступитесь! Расступитесь! Дайте пройти герою!

Ответив на его вопли равнодушием, я спокойно зашагал по узкому проходу, оглядывая толпу. Меня интересовали рожи собравшихся. Все они пялятся на меня по-разному. Но никто не смотрит с безразличием. Я легко читаю их эмоции, прислушиваюсь к обрывкам витающих в воздухе фраз.

– Артур его сделает...

– Поставил на новичка двести крон. Двести!

– Я поставил на него же – успокаивающе гудит медведеподобный гигант, исподлобья глядя на меня. И в его крохотных глазках я вижу отблески жадной ненавистью, которую он скрывает из всех сил. Нет. Этот мужик поставил не на меня. Он вложился в Артура, не сказав об этом друзьям, что поставили на меня. И теперь его терзают сомнения, его душит жадность, его гложет страх потерять денежки...

– Артур... Артур...

– Оди... Оди... гоблин...

– Он спятил если пошел против Арта!

– Арт... Арт...

– Кто знает этого Оди...

– Пятьдесят на гоблина!

– Триста на Арта!

– Хрен разберешься... никак не могу решить...

– Ты сдохнешь, Оди! Сдохнешь! Арт размажет тебя! Он боец! А ты... ты... ты...

– Пошла нахер, уродина! – ревет Рэк, показывая крикунье оба средних пальца – Иди отсоси у скабба!

– Пошел ты! Сам соси, сука! Сам соси! – визгливо взорвалась неумело разукрашенная косметикой девка.

– Балаган – процедил я, поморщившись.

Выкрики и гудение изрядно утихли, когда я наконец вывалился на пяточке в центре колышущейся толпы. Мне тут же показали кресло с высокой изогнутой спинкой и широкими подлокотниками. На правом подлокотнике бутылка самогона и запотевший кувшин компота. На левом пустой бокал, тарелка с ананасами и персиками, у тарелки небольшой квадратный конвертик из бумаги. Неплохо встречают. Садись боец, вмажь сто грамм, запей компотом, заешь ананасом, а потом загляни в конвертик.

Я сел, хлебнул компота, не глянув на самогон. Зато заглянул в конвертик, без удивления обнаружив там парочку полупрозрачных зеленоватых слезинок. А вот и таблеточки. Аккуратно сложив конверт, убрал его в набедренный карман штанов, после чего еще хлебнул компота, сложил ладони на брюхе и выжидательно уставился перед собой – на стоящее на противоположной стороне такое же кресло. Кресло такое же, но зато под ним небольшой красный ковер, на нем столик с яствами. А вот седока нет – «опасный» Артур шагах в шести поодаль тихо о чем-то разговаривает с несколькими серьезными с виду мужиками, что нет-нет да поглядывают в мою сторону. Среди этих крепышей выделяется мужик с длинной соломенной шевелюрой и волевым подбородком украшенным легкой брутальной небритостью.

Поняв, что время еще есть, наскоро оценил место будущего боя. Все как в прошлый раз – подметенный бетон.

Бой все еще не начинался...

Вздохнув, глянул на своих бойцов, что откровенно зевали рядом с моим креслом.

- Лид давай быстрее, а? – попросил Рэк – Задави ушлепка и пошли.
- Ага – безмятежно кивнул я – Так и сделаю.
- Ты задание еще не смотрел? – спросила рыжая, красуясь в новенькой черной майке, что прекрасно подчеркнула все ее прелести и заставила треть толпы смотреть лишь в одно место – в ее глубокий вырез.
- Не смотрел – отозвался я – Но по любому это Зомбилэнд.
- Ты командир и серьезно ранен – заметила Джоранн – Система обязана это учитывать.
- Может и учтет – ответил я – Вот только все равно пошлет к зомбакам. Просто не станет загонять в самые дебри. Рэк. Что с мясом боевым?
- Отыскал троих. Ждут твоего осмотра и решения у первого барака. Топор, топор, дубина. Первые двое так себе... а вот третий, который с дубиной... этот нам зайдет.
- Почему?
- А у него зомби любимую бабу сожрали – ослабился орк – Причем медленно. Смаковали по кусочку. Вживую жрали.
- А он почему смотрел и ничего не делал?
- А ему переломали руки-ноги, придавили камнем и так оставили наблюдать как его жене сиськи отрывают и смакууют их неспешно.
- Как выжил?
- Бродосы подоспели. Зомбаков поломали, спеленали. Его спасли. А заодно сильно огорчили мужика, сообщив, что зомбаков этих переломанных добывать не станут, а просто запихнут их в морозилку и доставят в Зомбилэнд. И вот он здесь со здоровенной дубиной...
- Мечтает отыскать тех самых и...
- И сожрать их – ухмылка Рэка стала еще шире – Не шучу. Его жену зомбосуки сожрали. Голые матерые зомбачки. Причем обе рыжие, сисястые, высокие. Приметные, короче.
- И он решил их сожрать по кусочку?
- Точно! Ты бы видел его рожу, командир, когда он мне это рассказывал. Он же долбанутый нахрен! Мозговая жижа давно выкипела, в черепушке остался лишь хрустящий пирожок. И этот пирожок хочет зомбомяса.
- Нам подойдет – согласился я.
- Добрый день – рядом с Джоранн остановилась незнакомая девушка.
- Ростом пониже рыжухи, но стройностью и объемами не уступит. А вот породистостью лица опять же уступает – и сама это понимает, судя по с вызовом вздернутому подбородку и чуть выпяченным губкам. В руках девушки лоток с самыми различными сигарами. Или нельзя их все называть сигарами?
- Сигару, герой? – оторвав наконец взгляд от снисходительно лыбящейся Джоранн, осветомилась девушка, чуть опуская лоток, что дало мне возможность оценить не только размер ее груди, но и надпись на синей майке «Зажгу тебя, Оди».
- Сигару – кивнул я.
- Выгнув спину, девушка наклонилась, разом приковав к себе кучу похотливых глаз. Половина мужиков смотрит на оттопыренный зад. Другие не могут оторвать глаз от покачивающихся под майкой грудей. Хоть бы кто глянул на надпись на майке – им не до этого...
- А как тебя зовут? – хрипло спросил Рэк.
- Отвали – мило улыбнулась девушка, не глядя на орка.
- Ага... типа я чином не вышел?
- И рылом. И хером микровялым.
- Че?! – возмущенно заорал на весь город Рэк – Да у меня...
- Захлопнись! – рыкнул я.

– Ага... но... ладно... я сигарку мелкую возьму только... – лапа орка сгребла зеленоватую тонкую сигарку и разобитый Рэк отвалил. Спустя миг послышался его добрый голос – Эй, жирный! Дай подкурить, свинятина тупая, чтоб тебя седня тунец трахнул!

– Охренел, ублюдок?!

– Заткни пасть, урод!

– Да я тебя...

– Успокойся, Мролс! Его просто Нивара отшила. Зуб даю что-то сказала ему, вот мужик и завелся.

– И тебе? – разительно изменился с разъяренного на сочувствующий голос «жирного» – Да-а-а... держи огонек. Глотнешь из фляги?...

Щелкнула зажигалка. У только что срезанного кончика сигары затрепетал огонек. Глядя мне в глаза, сигаретная крошка пробормотала:

– Нерг приказал Артуру сделать тебя навсегда калек на всю жопу и голову.

– Кто такой Нерг? Почему может приказывать Артуру? Почему ты мне это рассказываешь?

– Нерг со светлыми волосами. Небранный. Рядом с Артом сейчас. Артур из его бойцов и мечтает возглавить свой сквад. Это все знают. И Нерг вроде как спас Артуру жизнь в Зомбятнике. Насчет меня – я ученица Кассандры.

– Мечтаешь стать пифией?

– Мечтаю – улыбнулась девушка, убирая зажигалку – Береги голову, герой. Тут кругом бетон. И следи за его левой рукой. Услышал меня?

– Ага.

– Все ясно.

– Почти.

– Спрашивай.

– Вечерком свободна?

Мгновение промедления... и она улыбнулась:

– Если жив будешь – с восьми вечера я в Замарро. Ресторан на платформе.

– Буду – пообещал я и красотка ушла, демонстративно покачивая шикарными бедрами.

Не успел я сделать и двух затяжек, как вернувшийся к своему креслу Артур – мрачный, потемневший, злой – поднял руки вверх и крикнул:

– Я готов!

– А вот и первый боец на месте! – возопил обрадованный до чертиков Эйжоп – Наконец-то, друзья! Наконец-то! Последние минуты до славного кровавого мордобоя! Итак...

– Где бабло или игстрел? – перебил я Эйжоп.

– Что? – удивленно моргнул тот.

– Он знает – указал я пальцем на Артура.

– Сумма собирается – успокаивающе улыбнулся тот – Заверяю, что ты не...

– Заверять свою девку будешь, когда у тебя в очередной раз не встанет – буркнул я, развалившись в кресло – Следуй уговору! Либо игстрел, либо бабки – на бочку! Вернее – в руки вот ему – я ткнул сигарой в спокойного как бетонная стена барака мечника – Сейчас!

– Сумма собирается – повторил «опасный» – Умерь свой пыл, боец! Меня знают все – мое слово крепко.

– Мне плевать на твоё слово – я медленно поднялся, потянулся – Деньги или пушка. Или я пошел.

Толпа взревела. В меня полетели ругательства и злобные обещания.

– ЗАТКНИТЕСЬ! – вдруг провозгласила Джоранн, вскочив на покинутое мной кресло – Эй! Гоблины тупые! В чем проблема, уроды?! У нас был уговор! И мы не идем на попятную! Мы требуем соблюдения договора! А уговор был простой – перед боем мы получаем деньги или

Артур ставит на кон свой игстрел! И что здесь нечестного, а?! Да мой командир еще доброту показал – не стал требовать пушку как награду за выход на бой! Он заберет игстрел только при выигрыше. Ну и три сотни крон сверху. Это не справедливо?! Я вас спрашиваю?! Не справедливо?! Артур сам рвался устроить этот бой! И Артур дал слово!

– Артур дал слово! – повторил Каппа.

– Этот ушлепок дал слово! – Рэк ткнул пальцем в начавшего багроветь Артура.

– Нет у меня сейчас тысячи крон! Нету! А пушку я не кон не поставлю! Это часть меня!

– Ставь! – припечатал седой здоровяк в выдавшем виды стальном панцире – Слово давал?! Ставь! Или отдавай балок. Или ставь пушку на кон!

– Займи – попросил в ответ тот.

– Триста с меня – мгновенно кивнул тот – Ты пару раз выручил меня.

– Дерьмо – вздохнул я, начиная разминаться – А я уж глаз положил...

– Деньги тоже неплохо – заметила Джоранн.

– Молодец – кивнул я ей.

– Толпа – послушный зверек – улыбнулась та – Главное знать где почесать, а где погладить.

Артуру потребовалось минуты три, чтобы собрать тысячу крон налом. Каппа принял из рук парочки парней тяжеленную сумку и вопросительно глянул на меня:

– Считать?

– Потом посчитаем – фыркнул я, делая шаг вперед – Поехали уже, Эйжоп!

– Карл, сука, Карл! – провопил тот, вставая между нами – Ох и веселуха ща начнется... правила вы знаете, ребятки! От себя одного прошу – знайте меру и лимит.

При этих словах взгляд Артура вильнул в сторону и сполз на бетон. М-да...

– Никому не вмешиваться! – добавил Эйжоп, медленно крутясь и сурово глядя в толпу – Вы знаете что будет с тем, кто влезет в бой! – он чиркнул себя пальцем по горлу, показывая, что наказание будет самым суровым – Мы тут глупых шуток не понимаем! И наказания Матери не побоимся – любого наглеца превратив в отбивную!

Десяток самого мрачного вида парней с шипастыми дубинами не оставляли сомнения в его словах. И толпа это поняла, чуть подавшись назад.

– Хорошо! – снова заулыбался Эйжоп, медленно пятясь назад – Желаю всем удачи! Ставки больше не принимаются! Бой!

Я буднично шагнул вперед.

Артур стоял.

Я гoblin негордый. И, лениво смотря сквозь противника, добрался до центра импровизированной арены. Глянул искоса на карловатого Эйжоп. Тот, удивленно передернув плечами, шатнулся в сторону мешкающего бойца, открыл рот пошире, но сказать ничего не успел. Артур сделал шаг.

Нет...

Артур сделал ШАГ.

Вроде обычной ширины спокойный шаг. Но столько всего было в этом движении, что толпа ахнула. Следующий шаг мрачного красавца заставил немалую часть толпы тоненько взвизгнуть – Артур небрежно стянул футболку, оставшись в просторных штанах и ботинках. На мне была примерно такая же обувь, так что я не возражал. Но он принялся разуваться... чертыхнувшись, по-прежнему не касаясь футболки, что скрывала натянутый системой корсет, я тоже разулся.

– Футболку! Эй! Что у него под ней!

– Пусть оставит – величественно потрянул головой Артур и развел руки, демонстрируя пустые ладони, но на самом деле показывая мускулатуру. Количество восторженного визга

удвоилось. Причем визжали и мужики некоторые, явно не отдавая отчета вырывающимся из них звуков.

– Видит Мать! – начал Артур.

– Слышит Отец! – вставил я – Хватит трахаться в гостинной, молодежь!

– К-ха – сбился противник.

– К-хо... – заявила толпа.

– Давай – поощрил я Артура, переминаясь в центре арены – Подваливай и я тебе врежу, придурок.

– Я лишь... хотел сказать, что видит Мать – нет во мне злобы к противнику моему и намерен я драться честно! Да, в бою может случиться всякое, но уповаю на милость Матери и силу ее, я верю, что все закончится хорошо для обоих из...

– Давай уже, отсос тупой! – поморщился я – Ну же, ну же. Не дребезжи яйцами, ушлепок трусливый. В бой!

– Я... как ты со мной разговариваешь?! Я проявляю вежливость! Ты знаешь смысл этого древнего слова?! Вежливость!

– В бой! – рявкнул я злобно, следя, что в голосе не прозвучало слишком уж много металла

– Давай! Задрал триндеть! Давай! Давай! Давай!

– Я...

– Давай!

– Давай! – подхватил Рэк.

– Удар – и в ножны! – добавил Каппа, глядя на Артура с настоящим презрением – Давай, воин! Давай!

– Дайте закончить! Я просто...

– Давай уже! Давай! Давай!

– Фуфло! – на лице Джоранн было такое отвращение будто она смотрела на свежую кучу дерьма в красных ботинках. А нет. Уже без ботинок. Дерьмо разулось.

Настроение толпы неуловимо изменилось. Визги кончились. После краткого задумчивого молчания послышались первые пока еще тихие выкрики:

– Давай.

– Выруби его уже. Потом договоришь.

– Давай.

Артур оказался упорным. Гордо вскинув голову – куда уже выше-то? – он попытался еще раз:

– Десять секунд! – на его щеках стремительно расплзались красные пятна – Десять секунд тишины прошу!

– Не уложишься – улыбнулся я – Ты вчера обещал мне отсосать за пятнадцать, а чмокал минут пять, пока уговаривал подраться. Шевели уже жопой, шалун-сосун.

Грянувший хохот пошатнул опасного парня. Лицо полыхнуло. И он рванулся вперед. Шаг. Еще один. В паре метрах от меня он резко ушел в сторону, странно передернул руками, пригнулся, чуть отводя назад правое плечо...

«Следи за его левой рукой, герой».

Но она за его спиной. Он завел левую руку за поясницу. Так словно хотел вырубить меня пользуясь лишь одной правой.

В сторону...

Качнувшись маятником, я охнул от резкой боли в спине и... недоуменно моргнул.

Перед глазами только что промелькнуло что-то смазанное, что-то размазанное. Такой вот длящийся долю секунды фантомный след остается после стремительного взмаха меча.

На лице затормозившего в шаге парня мелькнуло столь же сильное недоумение. В толпе что-то заорали, но я не слушал. Я шагнул навстречу противнику, чье лицо напоминало лик

хищной злой птицы. Сосредоточенное, мрачное, злое, обещающее боль и смерть. Я подался чуть в сторону, уходя со смертельно опасной траектории его поразительной левой. И подставился под прямой правый, что пришелся мне точно в центр лба. Голову мотнуло, в шее хрустнуло, в ушах послышался тонкий хрустальный звон. Но это не помешало мне закончить движение и коротко ударить под правое ухо, а следом пнуть гаденыша под правое же колено. Шаг в сторону. Еще... размашистые удары ногами парень наносил уже неприцельно. Он видел лишь мой размытый силуэт, а скособоченная направо голова мелко тряслась. Взмах. Взмах. Широкий и чуть ли не гудящий размах и удар левой. На этот раз я увидел это движение во всей красе и снова удивился. Деревенский же удар. Этаким размашистым, небрежным, никакой техничности. Но очень быстрый. И сам Артур... он двигался абы как. Да он силен, вынослив. Да умеет махать конечностями, ему ставили удар, показывали приемы, он немало часов провел в спаррингах. Но... это никак не объясняет его общей быстроты и чудовищной скорости левой руки. По сути, он обычный деревенский бугай сбросивший лишний жирок и научившийся складно разговаривать. Так откуда же скорость?

Взмах. Попытка ударить коленом. Следом врезал себе по щеке. Затем себе же по уху. Взревев, Артур закрутился юлой, нанося себе по правому уху оплеуху за оплеухой. Над ареной повисла гробовая тишина. Слышалась лишь смачные шлепки и тяжелое отрывистое дыхание спятившего красавчика. Я спокойно шел по кругу, выбирая момент. И как только Артур вновь переключился на меня, попытавшись впечатать мне пятку в бедро, я поймал его за ногу и резко дернул на себя и вверх. На спину он упал грамотно – прижав подбородок груди, уберегая затылок от удара о бетон. Ему это не помогло – врезав ему пяткой в переносицу, я заставил голову дернуться и гулко удариться о бетон. Подпрыгнув, обеими ногами я приземлился ему на лицо, ударяя голову о бетон еще раз. Подпрыгнув, ударил еще раз. Расплатавшегося Артура мелко затрясло, начало выламывать, из разбитого перекошенного рта послышался хрип. Подпрыгнув, я приземлился еще раз. Под стопами что-то хрустнуло. Надеюсь, не мои плюсневые кости? Сойти с кровавой подушки. Подпрыгнуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.